

Холоднее войны

Автор:

Чарльз Камминг

Холоднее войны

Чарльз Камминг

Амелия Левен #2Иностранный детектив

Агент МИ-6 в Турции погибает в загадочной авиакатастрофе. Амелия Левен, глава Секретной разведывательной службы Великобритании, стараясь избежать лишнего шума, привлекает к расследованию экс-сотрудника разведки, своего старого знакомого Томаса Келла, отстраненного от дел из-за международного политического скандала. В Стамбуле опальный агент обнаруживает, что один из сотрудников резидентуры передает секретные сведения о совместных операциях на Ближнем Востоке третьей стороне. Том начинает охоту за кротом, в ходе которой ему предстоит побывать в Греции, Турции и Восточной Европе.

Чарльз Камминг

Холоднее войны

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

CHARLES CUMMING

A COLDER WAR a novel

A COLDER WAR Copyright © Charles Cumming 2014

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Глава 1

Турция

Американец отошел от распахнутого окна, передал Уоллингеру бинокль и сказал:

– Я иду за сигаретами.

– Давай, – бросил Уоллингер.

Было без малого шесть. Тихий пыльный мартовский вечер. До наступления темноты оставался примерно час. Уоллингер навел бинокль на горы и нашел заброшенный дворец Исхака-паши. Он чуть подправил окуляры и сфокусировался на горной дороге – к западу до окраин Догубаязита. Дорога была пустынна. Последние такси с туристами уже вернулись в город, танков, патрулирующих долину, тоже не было видно, долмуши[1 - Долмуш – род маршрутного такси. (Здесь и далее примеч. пер.)] давно отвезли пассажиров с гор в Догубаязит.

Дверь закрылась, мягко щелкнув замком, и Уоллингер обернулся. Ландау оставил свои солнечные очки на самой дальней из трех кроватей. Уоллингер подошел к комоду и взглянул на экран своего «блэкберри». Из Стамбула ничего. Из Лондона тоже. Какого черта, куда делся Хичкок? Предполагалось, что

«мерседес» пересечет границу Турции не позднее двух часов; к этому времени они уже должны быть в Ване. Уоллингер вернулся к окну, снова схватил бинокль и взял чуть выше, поверх телеграфных столбов, колонн и обшарпанных городских многоэтажек. Высоко над горами, в безоблачном небе, появился самолет; он двигался на восток. Безмолвная белая звезда, летящая к Ирану.

Уоллингер взглянул на часы. Пять минут седьмого. Ландау пододвинул деревянный стол и стул к окну. Исцарапанная пепельница с логотипом Efes Pilsener была забита желтыми сигаретными фильтрами. Уоллингер выбросил окурки в окно и подумал, что было бы неплохо, если бы Ландау принес еще и какой-нибудь еды. Ему очень хотелось есть, и он невероятно устал от ожидания.

На комоде зажужжал «блэкберри» – его единственное средство связи с внешним миром. Он быстро прочитал сообщение.

«Вертиго, 1750. Возьми три билета».

Это были как раз те новости, которых он ждал. Хичкок и курьер пересекли границу в Гюрбулаке без десяти шесть. Если все пойдет согласно плану, в течение получаса Уоллингер сможет разглядеть в бинокль автомобиль, движущийся по горной дороге. Он достал из ящика комода британский паспорт, неделей раньше присланный дипломатическим багажом из Анкары. Это позволит Хичкоку перебраться через военные контрольно-пропускные пункты по дороге в Ван и сесть в самолет до Анкары.

Уоллингер сел на среднюю из трех кроватей. Матрас был таким мягким, что ему показалось, будто под ним прогибается каркас. Он устроился удобнее и вдруг подумал о Сесилии, о том, что совсем скоро сможет провести с ней несколько драгоценных дней. Он планировал добраться на «сессне» до Греции в среду, поприсутствовать на совете директоров, а потом переправиться на Хиос – как раз чтобы успеть поужинать с Сесилией в четверг вечером.

В двери хрустнул ключ. Вошел Ландау с двумя пачками сигарет Prestige и тарелкой с пиде.

– Я взял нам поесть, – сообщил он. – Новости есть?

От пиде соблазнительно пахло мягким сыром. Уоллингер взял белую тарелку с выщербленными краями и поставил ее на постель.

– Они проехали через Гюрбулак без десяти шесть.

– Все нормально, никаких неприятностей? – дежурно спросил Ландау, как будто на самом деле и не ожидал ответа.

Уоллингер с наслаждением вонзил зубы в теплое пышное тесто.

– Обожаю эту штуку, – заметил американец. – Похоже на пиццу, только в форме лодочки.

– Да, – согласился Уоллингер.

Ландау ему не нравился. И он не доверял этой операции. И Кузенам тоже больше не доверял. Интересно, стоит ли за сообщением Амелия, которая беспокоится о Шухури, подумал он. Опасности совместной операции. Уоллингер не любил сотрудничать с разведками других стран и всегда хотел, чтобы все действовали сами по себе.

– Как думаешь, долго нам придется ждать? – шумно жуя, спросил Ландау.

– Сколько придется, столько и придется.

Американец хмыкнул и распечатал пачку сигарет. Некоторое время оба молчали.

– Как думаешь, они будут придерживаться плана или свернут на сотую?

– Кто его знает.

Уоллингер в который раз подошел к окну и взглянул в бинокль на горы. Ничего. Только танк, ползущий через долину, – официальное заявление курдам и Ирану. Номер «мерседеса» Уоллингер помнил наизусть. У Шахури были жена, дочь и мать; все они сейчас сидели в квартире в Криклвуде, купленной МИ-6. Они, конечно, захотят знать, что с ним все в порядке. Как только Уоллингер увидит

автомобиль, он тут же сообщит об этом в Лондон.

– Это все равно что постоянно нажимать на «Обновить страницу».

Уоллингер обернулся и нахмурился. Он не понял, что хотел сказать Ландау. Американец заметил его недоумение и ухмыльнулся – в густых каштановых усах и бороде сверкнули белые зубы.

– Я имею в виду все это ожидание. Как с компьютером. Когда ждешь новостей – письма, например, все время нажимаешь «Обновить страницу».

– А... ну да.

Ни с того ни с сего Уоллингер вдруг вспомнил Тома Келла и его любимую поговорку: «Работа шпиона – это ожидание». И вновь повернулся к окну.

Возможно, Хичкок уже в Догубаязите. Шоссе D100 в любое время дня и ночи было забито грузовиками и легковушками. Может быть, они решили не ехать по горной дороге, как было намечено, и выбрали это шоссе. На вершинах гор все еще лежал снег; всего две недели назад здесь сошел оползень. Согласно американским спутникам, переход в Беслере был чист, но Уоллингер уже привык подвергать сомнению всю информацию, что исходила от американцев. Как Амелия могла знать наверняка, кто именно находится в автомобиле? Как можно быть уверенным, что Хичкок действительно выбрался из Тегерана? Эвакуация была организована Кузенами.

– Покурить хочешь? – спросил Ландау.

– Нет, спасибо.

– Ваши сообщили что-нибудь еще?

– Ничего.

Американец порылся в кармане и вытащил телефон. Кажется, он прочитал какое-то сообщение, но вслух ничего не сказал. Среди шпионов это считалось оскорблением. Хичкок был человеком МИ-6, но курьер, эвакуация, план забрать

Шахури в Догубаязете и организовать его вылет из Вана – все это исходило из Лэнгли[2 - Лэнгли, штат Виргиния, США – место, где расположена штаб-квартира ЦРУ.]. Уоллингер с огромной радостью взял бы всю ответственность на себя и рискнул посадить Хичкока на самолет до Парижа в аэропорту Имама Хомейни. Щелкнула зажигалка, запахло табачным дымом. Уоллингер отвернулся и снова сосредоточился на горной дороге.

Танк теперь стоял на обочине, выполняя «тяньаньмыньский поворот». Башня поворачивалась в северо-восточном направлении, так что пушка была нацелена на гору Арарат.

– Может, они нашли там Ноев ковчег, – неожиданно «в строку» заметил американец. Но Уоллингер не был расположен шутить.

Нажать «Обновить страницу».

Наконец он увидел его. Крошечная зеленая точка, едва различимая на общем коричневатом фоне пейзажа. Настолько крошечная, что ее было почти не видно даже в бинокль. Уоллингер несколько раз моргнул и снова припал к окулярам.

– Они здесь.

Ландау подошел к окну.

– Где?

Уоллингер передал ему бинокль.

– Видишь танк?

– Да.

– Смотри на дорогу чуть выше.

– О'кей. Да, я их вижу.

Ландау положил бинокль и взял видеокамеру. Он поднял затвор и стал снимать приближающийся «мерседес» через окно. В течение минуты его уже можно было разглядеть невооруженным глазом. Уоллингер видел, как автомобиль движется через долину навстречу танку. Между ними было около пятисот метров. Триста метров. Двести.

Башня танка была все еще повернута в сторону Арарата. То, что случилось дальше, было абсолютно необъяснимо. Когда «мерседес» проехал мимо него, в задней его части вдруг как будто что-то взорвалось. Автомобиль занесло, и он закрутился на дороге. В мгновение ока его охватили клубы черного дыма, вспыхнул двигатель, и «мерседес», кувыркаясь, полетел с шоссе вниз. Тут же раздался второй взрыв, и автомобиль превратился в огромный шар пламени. Ландау тихо выругался. Уоллингер не мог поверить своим глазам.

– Что это было? Какого х...? – спросил американец и медленно опустил камеру.

Уоллингер отвернулся от окна.

– Это ты мне скажи, – огрызнулся он.

Глава 2

Эбру Эльдем даже не помнила, когда в последний раз брала выходной. «Журналист всегда на работе», – сказал ей однажды отец. И он оказался абсолютно прав. Вся жизнь была одной большой статьей. Эбру всегда была настороже, боясь пропустить что-нибудь интересное. Она разговаривала с сапожником, который ставил ей набойки на каблуки в Арнавуткёй, и в голове у нее складывалась история о том, как умирает малый бизнес в Стамбуле. Болтая с симпатичным продавцом фруктов из Коньи на местном рынке, она мысленно сочиняла статью о сельском хозяйстве и экономической миграции в Центральной Анатолии. Каждый телефонный номер в ее записной книжке – а Эбру считала, что у нее больше контактов, чем у любого другого журналиста ее возраста и опыта, – означал историю, которую нужно было вскрыть и выбросить в мир. Энергия и настойчивость – вот и все, что для этого нужно.

Но сегодня Эбру решила забыть об амбициях и собственной неугомонности и буквально заставить себя отдохнуть. Хотя бы один день. Борясь с собой, она выключила мобильник и отложила в сторону всю незаконченную работу. Огромная жертва с ее стороны! С восьми утра (поваляться в постели было недопустимой роскошью) и до девяти вечера она не проверяла почту и не заглядывала в «Фейсбук», стараясь прожить этот день как обычная женщина двадцати девяти лет, не связанная работой и не имеющая никаких дел, кроме как предаваться удовольствиям и расслаблению. Правда, утро она все же провела за стиркой белья и уборкой квартиры – наконец-то ей удалось одолеть многодневный беспорядок, – зато потом последовал великолепный ланч с подругой Бану в ресторане в районе Бешикташ. Затем Эбру неторопливо прошла по магазинам на улице Истикляль, купила себе новое платье, приобрела в книжном новый роман Элиф Шафак, заглянула в свою любимую кофейню в Джихангире и прочитала сразу девяносто страниц. Вечером она встретилась с Райаном в баре Bleu, чтобы выпить по бокалу martini.

За те пять месяцев, что они встречались, отношения Эбру и Райана переросли из ничего не значащей интрижки без обязательств в нечто более серьезное. Когда они только познакомились, Райан почти всегда приводил ее в свою квартиру в Ферапии, в ту же самую спальню, куда – Эбру была в этом уверена – он водил и других девушек. Но ни с кем из них у него не было такой связи, как с ней, такого родства душ, ни с кем он не был настолько откровенным и искренним. Она чувствовала это. Не столько из-за слов, что он шептал ей на ухо, когда они занимались любовью... скорее из-за того, как он к ней прикасался и смотрел ей в глаза. Со временем они узнали друг друга ближе; много разговаривали о своих семьях, о турецкой политике, о войне в Сирии, о тупиковой ситуации в конгрессе – в общем, обо всем на свете. Эбру удивлял неподдельный интерес Райана к политике и его поразительная осведомленность в этом вопросе. Он познакомил ее со своими друзьями. Они начали поговаривать о совместном отпуске и даже о том, чтобы познакомиться с родителями друг друга.

Эбру знала, что она не красавица – во всяком случае, не такая красавица, как те девушки, что обычно сидели в баре Bleu в надежде подцепить богатенького жениха или папика, – но она была умной и страстной, и эти качества всегда привлекали к ней мужчин. Думая о Райане, она всегда отмечала разницу между ним и всеми другими. Ей нравился их жаркий секс – этот человек знал, как доставить ей удовольствие, но ничуть не меньше она обожала его ум, энергию и то, как он к ней относился – с нежностью и уважением.

Сегодня был типичный для их отношений день. Они выпили слишком много коктейлей в баре Bleu, затем отправились ужинать, говорили о безрассудстве ХАМАС и Нетаньяху. К полуночи, спотыкаясь, добрались до квартиры Райана и занялись сексом сразу же, как переступили порог. Первый раз это было в лаунже, второй – в спальне, где на полу лежали килимы, а возле кресла стоял торшер без абажура – Райан все никак не мог его починить. Потом Эбру лежала в его объятиях и думала, что никогда не захочет другого мужчину. Наконец-то она нашла того, кто ее понимает, с кем она действительно чувствует себя собой.

После двух Эбру тихонько выскользнула из квартиры. Райан крепко спал. От нее пахло его телом и сексом. Она поймала такси, доехала до своего дома в Арнавуткёй, приняла душ и легла в постель, намереваясь через четыре часа снова вернуться к работе.

Бюрак Тюран из турецкой полиции считал, что всех людей можно разделить на две категории: те, кто охотно вставал с утра пораньше, и те, кто нет. И это простое правило всю жизнь ему помогало. Люди, с которыми стоило иметь дело, не ложились в постель сразу после «Великолепного века» и не вскакивали в половине седьмого утра со счастливой улыбкой на лице. С первыми нужно было держаться поосторожнее. Обычно они оказывались ненормальными, контролирующими все и всех вокруг, или трудоголиками, или религиозными фанатиками. Представители второй категории – к ним принадлежал и сам Тюран – любили брать от жизни все самое лучшее, были щедры, креативны и хорошо чувствовали себя среди других людей. Тюран, например, любил после работы посидеть за чаем и приятной беседой в клубе неподалеку от участка. Обычно мать готовила ему ужин, а потом он шел в какой-нибудь бар и ложился спать часов в двенадцать, а то и в час. А когда еще найти время для удовольствий? Когда знакомиться с девушками? Если думать только о работе и беспокоиться о том, достаточно ли ты спишь, что остается от жизни? Бюрак знал, что он не самый трудолюбивый офицер в участке. Он топтался на одном месте, пока более амбициозные ребята получали повышения и становились его начальниками. Но ему было совершенно наплевать. Пока у него была работа и зарплата, пока он мог посещать по выходным Джансу и смотреть игры «Галатасарая» на канале Turk Telecom каждую вторую субботу, жизнь была прекрасна.

Однако были и неприятные моменты. Конечно же были. Становясь старше, Бюрак все меньше любил получать бесконечные приказы – особенно от ребят моложе себя. А это случалось все чаще и чаще. Подросло новое поколение, и оно

постепенно теснило его на обочину. В Стамбуле было слишком много людей – чертов город был переполнен дальше некуда. И еще эти проклятые рейды на рассвете; дюжины и дюжины за последние два года. Как правило, связанные с курдской проблемой, но иногда и с чем-то другим. Как, например, сегодня утром. Сверху было спущено указание арестовать некую журналистку, которая написала что-то об Эргенеконе[3 - Эргенекон – ультранационалистическая организация в Турции, членами которой являются некоторые высокопоставленные руководители внутри вооруженных сил и органов безопасности Турции, обвиняемая в попытке госпереворота в Турции.] или РПК[4 - РПК – Рабочая партия Курдистана.], – Бюрак и сам не знал, в чем там было дело. Ребята говорили об этом в фургоне, пока ждали начала операции возле ее дома. Эльдем. Пишет для газеты Cumhuriyet. Лейтенант Метин, застегивая бронежилет, пробормотал что-то о «связях с террористами». У него был такой вид, как будто он не спал по меньшей мере три дня. Бюрак не поверил своим ушам. Неужели кто-то готов это проглотить? Разве Метин не знает, как работает система? Десять против одного, что эта Эльдем разозлила кого-то в ПСР[5 - ПСР – Партия справедливости и развития; правящая политическая партия в Турции.] и кто-то из лакеев Эрдогана решил проявить бдительность и в очередной раз напомнить всем, как обстоят дела. Так всегда действуют люди из правительства. С этими надо быть начеку – все они из тех, кто обожает рано вставать.

В группе было три человека, включая Бюрака и Метина. Им было приказано арестовать Эльдем в пять утра, и они прекрасно понимали, что от них требуется. Побольше шума, перебудить соседей, напугать журналистку до смерти, протащить ее по лестнице и втолкнуть в фургон. Несколько недель назад, тоже во время ареста, Метин взял фотографию в рамке, которая стояла в гостиной какого-то несчастного мерзавца, и бросил ее на пол. Видимо, он хотел быть похожим на копа из американских фильмов. Но черт возьми, зачем делать это среди ночи? Этого Бюрак никогда не понимал. Почему нельзя взять ее по дороге на работу или нанести визит в редакцию Cumhuriyet? Вместо этого он должен был поставить свой гребаный будильник на полчетвертого утра, прибыть в участок в четыре, а потом еще час сидеть в фургоне, разбитый и измотанный, с тяжелой от недосыпа головой. И тело, и мозг были какими-то размягченными и заторможенными. В таком состоянии Бюрак становился раздражительным и вспыльчивым. Все вокруг его бесили, говорили глупости; если возникала какая-нибудь задержка или другая проблема, он готов был загрызть кого-нибудь насмерть. Не помогали ни еда, ни чай. Потому что дело было не в недостатке глюкозы. Он просто ненавидел вытаскивать свою задницу из постели в то время, когда весь Стамбул еще спокойно спит.

– Время? – спросил Аднан. Он сидел за рулем, и ему было лень самому посмотреть на часы.

– Пять, – ответил Бюрак. Ему хотелось побыстрее с этим разделаться.

– Без десяти, – поправил Метин.

Бюрак бросил на него злобный взгляд.

– К черту, – сказал Аднан. – Пошли.

Сначала Эбру услышала очень громкий шум. Потом осознала, что это полицейские выбили дверь. Она резко села в постели, совершенно голая, и завизжала – ей показалось, что люди, ворвавшиеся в спальню, собираются ее изнасиловать. Только что она видела во сне отца и троих своих маленьких племянников – и вот в ее тесной, забитой мебелью спальне стоят трое мужчин, орут на нее, называют «б... террористкой», бросают ей одежду и приказывают немедленно одеваться.

Конечно, она все поняла. Этого-то она и боялась – как и все журналисты. Они тщательно выбирали слова, осторожничали с темами, потому что одного двусмысленного предложения, опрометчивого вывода, необдуманного предположения было достаточно, чтобы оказаться в тюремной камере. Современная Турция. Демократическая Турция. Полицейское государство – было, есть и будет.

Один из полицейских грубо потащил ее с кровати, крича, что она слишком медленно двигается. К своему стыду, Эбру вдруг расплакалась. Что она сделала не так? Что неправильного написала? Она надела трусики, застегнула джинсы, и тут ей пришло в голову, что Райан может помочь. У Райана есть деньги и влияние, и он сделает все возможное, чтобы вытащить ее.

Она взяла телефон.

– Положи на место! – рявкнул один из полицейских. Она прочитала его фамилию на бейдже: ТЮРАН.

– Мне нужен адвокат! – в отчаянии выкрикнула Эбру.

Бюрак покачал головой:

– Никакой адвокат тебе не поможет. Надевай свою чертову рубашку!

Глава 3

Лондон, три недели спустя

Стоило только Томасу Келлу подойти к стойке, как барменша обернулась и подмигнула ему.

– Как обычно, Том? – спросила она.

Как обычно. Дурной знак. Четыре вечера из семи он проводил в Ladbroke Arms, выпивая пинту за пинтой эля в компании кроссворда из The Times и пачкой Winston Light. Вероятно, для дискредитированных шпионов альтернативы быть не могло. Отстраненный от дел Секретной разведывательной службой восемнадцать месяцев назад, Келл все это время пребывал в состоянии томительного, раздражающего ожидания. Его не уволили, но в то же время он и не работал. О его участии в операции по спасению сына Амелии Левен, Франсуа Мало, было известно только избранной группе первосвященников с Воксхолл-Кросс. Для всех остальных сотрудников МИ-6 Томас Келл все еще оставался «свидетелем X», офицером, который присутствовал при агрессивном допросе ЦРУ гражданина Великобритании в Кабуле и который не воспрепятствовал переводу вышеупомянутого гражданина, подозреваемого в терроризме, в тюрьму в Каире, а позже – в печально известный лагерь Гуантанамо.

– Спасибо, Кейти, – сказал Том и положил на стойку пятифунтовую купюру.

Рядом с ним стоял явно состоятельный немец. Он листал Weekend и рассеянно кидал в рот горошек в глазури из васаби. Том забрал сдачу, вышел наружу и

уселся за столиком на террасе, прямо рядом с источающим невыносимый жар газовым камином. В этот сырой воскресный вечер – к тому же сегодня была Пасха – паб, как и почти весь Ноттинг-Хилл, был пуст, и терраса целиком оказалась в распоряжении Тома. Большинство местных жителей, судя по всему, отсутствовали – конечно же они проводили выходные в загородных домах в Глостершире или катались на лыжах в швейцарских Альпах. Даже аккуратный, ухоженный полицейский участок на другой стороне улицы выглядел сонным. Том вытащил пачку сигарет Winston и пошарил по карманам в поисках зажигалки. Золотой «Данхилл» с гравировкой P.M.[6 - От англ. private memento, то есть в память об особом случае, касающемся только двоих.], подарок Амелии Левен, которая была назначена главой МИ-6 в прошлом сентябре.

– Каждый раз, закуривая сигарету, ты будешь думать обо мне, – со смехом сказала она, положив зажигалку ему на ладонь. Классическая тактика Амелии – вроде бы интимный и сердечный жест, но в то же время отрицающий все личное. Просто платонический подарок другу.

По правде говоря, Том никогда не был заядлым курильщиком, но теперь сигареты казались ему необходимыми знаками препинания, хоть как-то разделявшими его неотличимые друг от друга дни. Все двадцать лет своей шпионской работы он носил их с собой для пользы дела: с их помощью можно было завязать разговор; закурив предложенную сигарету, агент расслаблялся и чувствовал себя в своей тарелке. Сейчас они стали неотъемлемой частью его одинокой жизни. Как следствие, он чувствовал себя не в форме и тратил больше денег. Почти каждое утро Том просыпался с диким кашлем, который выворачивал его наизнанку, – и тут же тянулся за новой порцией никотина, без которой не мог начать день. Вскоре он обнаружил, что не может существовать без сигарет.

Том находился в том возрасте, который один из его коллег как-то назвал «ничейной полосой» – начало «средних лет». Он все еще переживал последствия большого взрыва, которым окончилась его карьера, и развалившегося в конце концов брака. На Рождество его жена Клэр все же подала на развод и начала новую жизнь со своим любовником Ричардом Куинном, дважды разведенным инвестором хедж-фонда, Питером Пэном с домом за четырнадцать миллионов в Примроуз-Хилл и тремя сыновьями-подростками. Том не жалел о разрыве и не завидовал Клэр, которая существенно улучшила свое социальное и материальное положение; он скорее чувствовал облегчение, что освободился от отношений, не приносящих особой радости ни ей, ни ему. Он надеялся, что Дик-

Супершланг – так он любовно называл про себя Ричарда – даст Клэр то счастье, о котором она так мечтала. Быть замужем за шпионом, сказала она как-то раз, – это все равно что быть замужем за половиной человека. В ее глазах Том и физически, и эмоционально отделился от нее много лет назад.

Еще глоток эля. Это была вторая пинта за вечер, и, в отличие от первой, она вызвала в нем приступ сентиментальности. Том выкинул окуроч на улицу и достал свой айфон. Зеленый значок «Сообщения» не показывал ничего нового – как и значок «Почта». Кроссворд из The Times был окончен полчаса назад, а книгу, которую он в данный момент читал – Джулиан Барнс, «Предчувствие конца», – Том оставил дома на кухонном столе. Делать было нечего – только пить эль и глазеть на пустую улицу. Иногда мимо проезжала машина или неторопливо проходил какой-нибудь местный с собачкой на поводке, но в целом Лондон был как-то на удивление тих. Это было все равно что слушать шум города в наушниках. Странная тишина только усиливала беспокойство Тома. Он не любил жалеть себя и не имел к этому склонности, но ему ужасно не хотелось проводить вечер за вечером в дорогом пабе в Вест-Энде, попивая эль на террасе в полном одиночестве и ожидая, когда же Амелия Левен вернет его на работу. Расследование по делу «свидетеля X» серьезно затянулось; Том находился в подвешенном состоянии уже два года, не зная, снимут ли с него все обвинения или сделают козлом отпущения. Не считая трехнедельной операции по спасению сына Амелии, Франсуа, прошлым летом и месячного контракта с фирмой в Мейфэре, специализирующейся на промышленном шпионаже, все это время он был вне игры. И это было слишком долго. Том хотел вернуться к работе. Он хотел снова быть шпионом.

Экран телефона – о чудо – вдруг засветился. «Амелия ЛЗ». Это был словно знак от Бога, в которого Том пока еще время от времени верил. Он ответил сразу же:

– Вспомни о черте...

– Том?

Он сразу же понял: что-то случилось. Вместо привычного уверенного властного голоса – растерянный дрожащий полусшепот. Амелия позвонила со своего личного телефона, а не с городского или зашифрованного служебного. Значит, дело было частное. Сначала Том решил, что происшествие связано с Франсуа или что муж Амелии Жиль погиб в автокатастрофе.

– Пол...

Он ощутил мгновенный прилив раздражения. Амелия могла иметь в виду только Пола Уоллингера.

– Что случилось? С ним все в порядке?

– Его убили.

Глава 4

На Холланд-Парк-авеню Том поймал кеб и уже через двадцать минут подъехал к дому Амелии в Челси. Он собирался нажать на кнопку звонка, как вдруг осознание того, что Уоллингера больше нет, накрыло его, словно волной. Они одновременно поступили на службу в МИ-6, параллельно получали повышения и новые звания, молодые, быстрые, амбициозные. Расстановка сил в мире после холодной войны изменилась. Уоллигер, арабист, на девять лет старше Тома, служил в Каире, Эр-Рияде, Тегеране и Дамаске. Потом Амелия назначила его на очень ответственную должность в Турции. Карьера Тома, младшего брата, развивалась почти синхронно, но была скромнее – он работал в Найроби, Багдаде, Иерусалиме и Кабуле. Шли годы. Глядя вниз, на Маркхэм-стрит, Том вспомнил тридцатичетырехлетнего вундеркинда, с которым он впервые столкнулся на тренинге для новобранцев осенью 1990 года... высокие баллы Уоллингера, его интеллект, его амбиции... Он всегда шел впереди Тома.

Однако Том примчался сюда не по служебной надобности – не для того, чтобы дать Амелии совет, как поступить в сложной ситуации, вызванной неожиданной смертью Пола, и разработать новую стратегию. Он приехал сюда в качестве ее друга. Томас Келл был одним из тех немногих сотрудников разведывательной службы, кто знал правду об отношениях Амелии Левен и Пола Уоллингера. Они были любовниками много лет; их роман, завязавшийся в конце девяностых, то прекращался, то разгорался с новой силой. Пол женился, Амелия вышла замуж, потом стала главой МИ-6, но их связь продолжалась.

Том позвонил и помахал рукой в камеру. Замок зажужжал, и дверь открылась. Охраны в атриуме не было, как и дежурного офицера. Вероятно, Амелия убедила его уйти домой пораньше и отдохнуть. Как главе МИ-6, ей полагалась служебная квартира, но Амелия предпочла жить в доме мужа. Том подумал, что вряд ли Жиль Левен сейчас дома. В последнее время они с Амелией почти не жили вместе. Жиль предпочитал дом Амелии в Чок-Биссет или разъезжал по разным странам, отслеживая запутанные ветви своего родословного древа. Это хобби заносило его в такие отдаленные уголки земли, как Кейптаун, Новая Англия или Украина.

– От тебя несет куревом, – сказала Амелия, открыв дверь.

Она жестом пригласила Тома войти и подставила для поцелуя гладкую бледную щеку. На ней были джинсы, свободный кашемировый свитер и носки. Глаза у Амелии были ясные и блестящие, но Том заподозрил, что недавно она все-таки плакала – кожа еще хранила следы слез.

– Жиль дома?

Амелия посмотрела на него и тут же отвела взгляд, как будто решая, ответить правду или нет.

– Мы решили попробовать пожить отдельно.

– О господи. Мне очень жаль.

Эта новость произвела на Тома двоякое впечатление. С одной стороны, ему было жаль Амелию, которой предстояло пройти через агонию развода, но тем не менее он был рад, что она наконец избавилась от Жилия, человека настолько скучного, что в коридорах Воксхолл-Кросс его прозвали Кома. Они поженились прежде всего потому, что брак был выгоден им обоим: Амелии нужен был преданный, но скромный и незаметный муж с большими деньгами, который не стал бы мешать ее продвижению вверх, а Жиль взамен получил «призовую» жену и доступ в высшее общество Лондона. Как и Том с Клэр, они не могли иметь детей. Видимо, внезапное появление в жизни Амелии ее сына Франсуа полтора года назад стало последней каплей, и отношения Жилия и Амелии разладились окончательно.

– Да, очень жаль, – согласилась Амелия. – Но так будет лучше для нас обоих. Хочешь выпить?

Это была ее обычная манера вести беседу. «Мы не будем говорить об этом, Том. Мой брак – это мое личное дело». Когда Амелия провожала его в гостиную, Том украдкой бросил взгляд на ее левую руку. Обручальное кольцо было на месте. Без сомнения, для того, чтобы не возбуждать лишних слухов в Уайтхолле.

– Виски, пожалуйста, – попросил он.

Амелия открыла шкафчик, достала стакан и обернулась. Она улыбнулась и чуть кивнула, как человек, который узнал мелодию любимой песни. Том услышал, как звякнул о стекло кубик льда – всего один, всегда один; затем звук льющегося виски. Амелия знала, как приготовить напиток по его вкусу: на три пальца виски и чуть-чуть воды, чтобы раскрыть вкус.

– А как дела у тебя? – спросила она, передавая ему стакан. Речь, несомненно, шла о Клэр и его собственном разводе. Теперь они оба были членами одного клуба.

– Да все то же самое. – Том чувствовал себя как кавалер, которого в конце свидания пригласили зайти на чашечку кофе и теперь он изо всех сил старается поддержать разговор. – Клэр с Диком Супершлангом. А я живу у них и слежу за домом на Холланд-Парк.

– Холланд-Парк? – удивленно переспросила Амелия. Как будто Том одним махом перескочил несколько ступенек социальной лестницы. Он почему-то изумился, что она еще не знает, где он живет. – И ты полагаешь...

– Слушай... – перебил Том. Известие о смерти Уоллингера витало между ними, как привидение, и он не мог и дальше вести себя как ни в чем не бывало. – Я очень тебе сочувствую. Насчет Пола.

– Не стоит. Спасибо тебе, что сразу приехал.

Он знал, что эти несколько часов Амелия перебирала в памяти мгновения, проведенные с Полом. Что любовники в конечном счете помнят друг о друге?

Глаза? Прикосновения? Любимую песню или стихи? Амелия могла практически слово в слово пересказать любой разговор и отличалась фотографической памятью на лица и образы, а также помнила контекст любого события. Их связь с Полом теперь превратилась в огромный дворец воспоминаний, где она могла бы бродить часами. Эти отношения были гораздо больше, чем будоражащий кровь адюльтер; Том знал это точно. Как-то раз в один из редких приступов откровенности Амелия призналась ему, что любит Пола и подумывает о том, чтобы оставить Жилия. Он посоветовал ей не делать этого – не из ревности, как можно было бы подумать. Уоллингер имел репутацию донжуана, и кроме того, Том опасался, что, если это выйдет наружу, пострадает карьера Амелии, а сама она вовсе не будет так счастлива, как ей кажется. Жалела ли она когда-нибудь, что последовала его совету, подумал он.

– Он был в Греции, – сказала Амелия. – На Хиосе. Это остров. И я, в общем, не знаю почему. Джозефин с ним не было.

Джозефин звали жену Уоллингера. Она жила в маленькой квартирке меньше чем в миле отсюда, на Глостер-Роуд – в перерывах между визитами к мужу в Турцию и пребыванием на семейной ферме в Камбрии.

– Отпуск? – предположил Том.

– Наверное. – Амелия налила виски и себе и сделала глоток. – Он нанял самолет. Ты ведь знаешь, как он любил летать. Побывал на совете директоров, а потом сделал остановку на Хиосе, прежде чем вернуться в Анкару. Должно быть, самолет был не в порядке. Техническая неисправность. Обломки были обнаружены в ста милях к северо-востоку от Измира.

– А тело?

Том заметил, как Амелия чуть передернулась, и ему стало стыдно за свою бестактность. Это тело принадлежало ей. Тело возлюбленного.

– Кое-что нашли, – ровным тоном произнесла она.

Том представил себе эту картину, и его чуть не затошнило.

– Мне очень жаль.

Амелия подошла к нему, и они обнялись, неловко вытянув руки с бокалами в стороны, как будто собирались танцевать странный танец без ритма. Том подумал, что сейчас она расплачется, но, когда Амелия наконец отстранилась, он увидел, что она полностью владеет собой.

– Похороны в среду, – сказала она. – В Камбрии. Я подумала: может быть, ты поедешь со мной?

Глава 5

Агент, известный офицеру Службы внешней разведки Александру Минасяну под кодовым именем Кодак, дословно запоминал разговоры и славился фотографически точной памятью, «с точностью до пикселя», как однажды выразился его восхищенный коллега. Когда зима в Стамбуле сменилась весной, его сигналы Минасяну стали более частыми. Кодак помнил их беседу, происходившую в отеле Grosvenor House в Лондоне почти три года назад.

«Каждый день, между девятью и девятью тридцатью утра и между семью и семью тридцатью вечера, в чайной будет наш человек. Он будет знать вас в лицо и будет знать сигналы. Организовать это нам легко. Я сам это сделаю. Когда станете работать в Анкаре, действовать будем по той же схеме».

Кодак обычно выходил из квартиры между семью и восемью утра, незаметно проверял, не идет ли за ним наружка, садился в свою машину – или чаще в такси – и доезжал до улицы Истикляль. Потом, миновав узкий переулок напротив Российского консульства, он заходил в чайную и садился за стол. Вечером он заканчивал работу в положенное время, садился на электричку до города, прогуливался по Истикляль, заглядывая в книжные лавки или в магазины одежды, а потом в условленные часы заруливал в чайную, чтобы выпить стакан чая.

«Когда к вам в руки будут попадать нужные нам документы, все, что вам нужно будет сделать, – это появиться в чайной в назначенное время и дать нам себя увидеть. Вам необязательно знать, кто именно за вами наблюдает. Не вертитесь и не разглядывайте лица. Просто не забывайте о сигнальной одежде. Сядьте, закажите чашку чая или кофе, и мы вас заметим. Можете сидеть внутри или снаружи, как вам захочется. Там в любом случае обязательно кто-то будет. Всегда».

Разумеется, Кодак маскировки ради заходил в чайную не только утром и вечером, но и каждый раз, когда оказывался в районе площади Таксим. Попрактиковаться в турецком с симпатичной молоденькой официанткой, поиграть в нарды или просто почитать книгу. Он часто навещал и другие чайные, рестораны и бары поблизости и иногда – чтобы никто не обратил внимания на совпадения – надевал одежду, почти идентичную сигнальной.

«Если вам так удобнее, захватите с собой приятеля. Кого-то, кто не в курсе, насколько это для вас важно. Если увидите, что кто-то уходит, пока вы в чайной, ни в коем случае не идите вслед за этим человеком. Ни в коем случае. Это может быть опасно. Вы не будете знать, кого я послал вам на встречу. И вы не знаете, кто может за ними следить – точно так же как и кто может следить за вами. Вот почему мы не оставляем никаких следов. Никаких отметок мелом на стенах. Никаких стикеров. Я всегда предпочитал именно такую систему, не заметную никому, кроме тех, кто знает, на что именно смотреть. Чуть передвинутая ваза с цветами. Велосипед на балконе, которого раньше там не было. Даже цвет носков! Все это можно использовать для передачи сигнала».

Кодаку нравился Минасян. Он восхищался его смелостью, интуицией и профессионализмом. Вместе им удалось проделать значительную работу; вместе они могли произвести выдающиеся, исключительные перемены. Однако время от времени он чувствовал в русском какой-то чрезмерный мелодраматизм.

«Если вы почувствуете, что скомпрометировали себя, не показывайтесь в чайной и в Анкаре. Добудьте или займите у кого-нибудь мобильный и пошлите на мой номер слово «Бешикташ»[7 - Бешикташ – коммерческий и культурный район Стамбула.]. Если по каким-либо причинам вам это не удастся, найдите

телефонную будку или любой стационарный телефон и, как только вам ответят, произнесите это слово. Если мы сами передадим вам это слово, это будет означать, что ваше сотрудничество с нами раскрыто и вы должны покинуть Турцию».

Но Кодак считал, что его практически невозможно заподозрить в измене или поймать в тот момент, когда он передает сведения Службе внешней разведки. Он был умен, осторожен и умел искусно заматывать следы. Тем не менее он наизусть помнил все инструкции на случай провала, все места встреч и связанные с ними цифры.

«На случай раскрытия предусмотрены три потенциальных места встречи. Если вы скажете «Бешикташ-один», наш человек встретит вас во двореке Голубой мечети в условленное время. Он представится вам, и вы последуете за ним. Если вы сочтете, что в Турции оставаться небезопасно, то оставьте сообщение «Бешикташ-два» и пересеките границу с Болгарией. Ни в коем случае не садитесь в самолет. Связной подойдет к вам в баре «Гранд-отеля» в Софии в условленное время. При самых исключительных обстоятельствах, если вам нужно будет попасть на территорию бывшего Советского Союза, откуда вас будет проще и легче сопроводить в Москву, воспользуйтесь лайнером – они регулярно ходят из Стамбула. Вам всегда будут рады в Одессе. Код для этого случая – «Бешикташ-три».

Глава 6

Томас Келл вдруг осознал, что число похорон, которые он посещает за год, стало превосходить число свадеб. Он и Амелия сидели в переполненном вагоне первого класса – поезд отходил со станции Юстон, – и Том с удивлением подумал, что эта перемена произошла едва ли не за одну ночь. Еще вчера он был молодым человеком в визитке и разбрасывал конфетти над счастливыми молодоженами каждый третий уик-энд лета, а сегодня каким-то образом превратился в шпиона-ветерана сорока с лишним лет, который летит домой из Кабула, чтобы похоронить друга или родственника, скончавшегося от рака или допившегося до смерти. Том оглянулся по сторонам, и его ощущения только

подтвердились: он был старше почти всех пассажиров в вагоне. Куда же подевались годы между этими двумя точками? Даже контролер, кажется, родился уже после падения Берлинской стены.

– У тебя усталый вид, – заметила Амелия, на секунду оторвавшись от The Independent. Она стала носить очки-половинки для чтения и выглядела почти на свой возраст.

– О, спасибо, – саркастически поблагодарил Том.

Амелия сидела напротив. На липком столе между ними валялись остатки недоеденных круассанов, стояли пустые стаканчики из-под кофе. Рядом с ней устроился студент с на удивление чистым, без прыщей, лицом; у него был билет до Ланкастера. Забавно, подумал Том, он даже не подозревает о высоком положении Амелии и ее чине. Как ни в чем не бывало студент играл в солитер на планшете «Самсунг». Оба они сидели спиной по направлению движения. За окном пробегали поля и реки Англии. Том, почти прижатый к окну, изо всех сил старался не соприкоснуться ногами и бедрами с толстой бизнесвумен, дремавшей над романом Тrolлопа. Он взял с собой небольшую сумку с вещами, потому что планировал провести на севере несколько дней. К чему мчаться обратно в Лондон, когда можно спокойно гулять по Камбрии и обедать в L'Enclume, у которого были две звезды Мишлена? Никто не ждал его в доме на Холланд-Парк, никаких волнующих событий тоже не намечалось. Разве что очередной вечер в пабе и дежурная пинта эля.

На нем был строгий темно-серый, почти черный костюм, белая рубашка и черный галстук; на Амелии – темно-синий костюм и черное пальто. Когда они шли по перрону станции Престон, люди бросали на них сочувственные взгляды. Амелия заказала такси за счет МИ-6, и к половине первого они уже были в Картмеле. Том зарегистрировался в отеле, Амелия несколько раз позвонила в офис, чтобы удостовериться, что в ее отсутствие все идет нормально.

Совсем как семейная пара, они ели пирог с цыпленком в пабе в центре деревни, когда Том вдруг заметил у бара Джорджа Траскотта. Он заказал себе полпинты лагеря. Правая рука бывшего главы МИ-6 Саймона Хэйнеса, его ассистент Траскотт должен был занять его место, но приз перехватила Амелия. Именно Траскотт, конторский писака с насквозь корпоративными мозгами, приказал Тому присутствовать на допросе Яссина Гарани, и он же потом, когда МИ-6 понадобился козел отпущения за все грехи, с радостью отдал офицера Келла на

растерзание волкам. Примерно через три минуты после того, как получила официальное назначение, Амелия отправила Траскотта в Бонн, поманив его высокой должностью в Германии, словно осла морковкой. С тех пор ни Том, ни сама она его не видели.

– Амелия!

Траскотт отошел от бара и с кружкой в руках направлялся к их столику. Он был похож на студента, которого учат правильно напиваться во время Недели новичков. Том подумал, стоит ли скрывать свое настоящее отношение к человеку, который разрушил его карьеру, но все же решил проявить вежливость и наклеил на лицо улыбку – главным образом из уважения к грустному событию, собравшему их здесь. Для Амелии же фальшивые выражения радости и привязанности не составляли никакого труда; для нее это было так же естественно, как моргать или дышать. Она встала и тепло пожала Траскотту руку. Если бы за этой сценкой наблюдал незнакомый человек, он бы решил, что и Том, и Амелия безумно рады видеть своего коллегу.

– Я не знала, что ты приедешь, Джордж. Ты прилетел из Бонна?

– Из Берлина, – поправил Траскотт. Это был намек на невероятную важность и секретность его работы. – Как у тебя дела, Том?

Том практически слышал, как скрипят колесики его безжалостного, циничного, продумывающего все на сто шагов вперед мозга. Это был хитрый, изворотливый человек, в котором был невероятно силен дух соперничества. Мысли Траскотта были так очевидны, как будто парили в облачке над его узким черепом, как у персонажей комиксов. Почему Келл с Левен? Неужели она привела его обратно? Значит ли это, что «свидетель X» прощен? Том почувствовал, как в пустой и порочной душе Траскотта шевельнулся страх. Что, если Амелия назначит Тома главным по Турции, а он так и зависнет в Бонне? Холодная война, настоящий геморрой для Европейского союза, давно потеряла свое значение в век переделки Азии и «арабской весны».

– О, смотри-ка, там Саймон. – Амелия первая заметила выходящего из мужского туалета Хэйнеса.

Он просиял улыбкой, которая тут же испарилась, когда он увидел Келла и Траскотта рядом. Амелия позволила ему расцеловать себя в обе щеки; затем мужчины как будто перезнакомились заново. Том едва вслушивался в банальности и клише, которыми так и сыпал Хэйнес. Да, то, что произошло с Полом, – ужасная трагедия. Нет, Том пока еще не нашел постоянной работы в частном секторе. В самом деле – какой кошмар, что публичное расследование снова застряло. Хэйнес задержался ненадолго; довольно скоро он уже отчалил в направлении «Картмел прайори». Траскотт семенил рядом с ним, как будто Хэйнес все еще мог благоприятно повлиять на его карьеру.

– Саймон хотел произнести надгробную речь, – сказала Амелия, мельком взглянув в зеркало. Она надевала пальто. Они доели свои пироги, а счет разделили на двоих. – Он думал, что с этим не будет никаких проблем. Я вынуждена была его остановить.

Получив от принца Чарлза титул прошлой осенью, Хэйнес уже успел принять участие в литературном фестивале Sunday Times, в дебатах, которые устроило Королевское географическое общество, и в программе «Радио 4», где он с энтузиазмом рассказал о своих любимых пластинках. Он стал первым бывшим главой МИ-6, который активно извлекал выгоду – и материальную, и социальную – из своей прежней должности. Если бы он произнес речь над гробом Уоллингера, как собирался, то соседи и друзья Пола, считавшие его обыкновенным дипломатом или даже джентльменом-фермером, сразу догадались бы о том, что он был шпионом.

– У нас в секретной службе появился дурной обычай, – продолжила Амелия. Она потрогала золотую цепочку на шее. – Дальше, наверное, будут мемуары. Господи помилуй, что случилось с секретностью? Почему Саймон просто не стал членом парламента, как все до него?

Том ухмыльнулся. Может быть, слова Амелии являются завуалированным предупреждением – «не выноси на публику информацию о «свидетеле X»?» Но она, разумеется, знала его достаточно хорошо, чтобы понимать: он никогда не предаст Службу и уж тем более не обманет ее доверие.

– Ты готова? – спросил Том, когда они собрались уходить. Он допил оставшийся в бокале глоток риохи и бросил на стол несколько монет по одному фунту – на чай. На мгновение их взгляды встретились, и Амелия вдруг показалась Тому уязвимой и беззащитной. Ей предстояло пережить нелегкие

минуты. Они вышли на улицу. Небо было кристально чистым, и ярко светило солнце. Она быстро сжала его ладонь.

– Пожелай мне удачи.

– Все с тобой будет в порядке, – заверил Том. – Ты никогда в жизни не нуждалась в удаче.

Разумеется, он был прав. Вскоре после трех появилась Джозефин Уоллингер, и все собравшиеся, как один, встали в знак уважения. Амелия держалась с достоинством и уверенностью, как глава МИ-6 и влиятельная особа. Ничто в ее поведении не могло навести на мысли, что человек, почтить память которого пришли более трехсот человек, был для нее кем-то большим, чем высокочтимым коллегой. Том же ощущал необычную отстраненность. Он вместе со всеми пел гимны, слушал отрывки из Священного Писания, кивал, когда викарий произносил надгробную речь, где он довольно уклончиво назвал Пола «скромным человеком, который предпочитал держаться в тени» и «верным слугой отечества». И тем не менее мысли его были далеко. Чуть позже, когда толпа медленно двинулась к кладбищу, он услышал, как кто-то произнес фамилию Хаммаршёльд, и понял, что не одинок в своих подозрениях. Даг Хаммаршёльд, Генеральный секретарь ООН, погиб в авиационной катастрофе в 1961 году; он летел, чтобы подписать мировое соглашение, которое могло бы предотвратить гражданскую войну в Конго. Небольшой самолет Хаммаршёльда DC-6 разбился в лесу, находившемся тогда на территории Родезии. Согласно некоторым данным, его подстрелили наемники; другие утверждали, что катастрофа подстроена МИ-6 совместно с ЦРУ и Секретной службой Южной Африки. С самого воскресенья, когда он узнал о том, что случилось с Полом, Тома тревожила мысль о том, что в этом деле что-то нечисто. Почему – он не знал и сам. Никаких оснований для этого не было; разве только тот факт, что Уоллингер был крайне аккуратным пилотом, и его педантичность доходила до паранойи, когда дело касалось технической проверки самолета перед полетом. Но этот шепот в толпе, упоминание Хаммаршёльда всерьез укрепили его подозрения. Глядя на окружавшие его неприметные лица неизвестных шпионов-привидений, участников давно забытых операций из как минимум дюжины различных секретных служб, Том внезапно почувствовал, что кто-то в этом переполненном людьми церковном дворе точно знает, почему самолет Пола Уоллингера вдруг упал с небес.

Все собрались вокруг могилы, сформировав большой прямоугольник, – около двухсот человек, мужчин и женщин. Том заметил нескольких офицеров из ЦРУ, представителей канадской разведки, троих членов МОССАД, а также коллег из Египта, Иордании и Турции. Священник начал читать молитву. Том подумал о слоях секретности, которые постепенно нарастают на людях их профессии, словно струлья, и о том, в каком же грехе повинен Уоллингер; какое предательство он совершил, чтобы заслужить смерть. Слишком сильно давил на Сирию или Иран? Мониторил операцию российской Службы внешней разведки в Стамбуле? И почему Греция, почему Хиос? Возможно, официальное заключение все же является верным и виной всему технические неполадки. И тем не менее Том не мог стряхнуть с себя чувство, что это было убийство. То, что самолет могли сбить, представлялось вполне вероятным. Когда гроб с телом Пола стали опускать в могилу, Том украдкой взглянул на Амелию и увидел, что она утирает слезы. Даже Саймона Хэйнеса скорбь, казалось, очистила и как-то облагородила.

Том закрыл глаза. В первый раз за много месяцев он вдруг поймал себя на том, что безмолвно произносит молитву. Он отвернулся от могилы и пошел обратно, по направлению к церкви. Как знать, может быть, лет через двадцать члены МИ-6 соберутся на чьих-нибудь похоронах и по толпе вот так же пролетит шепот «Уоллингер» – как синоним замаскированного убийства.

Меньше чем через час те, кто пришел почтить память Уоллингера, потянулись на ферму, которая принадлежала его семье. Большой амбар рядом с хозяйским домом был приспособлен для поминок. Длинные столы на козлах были заставлены пирогами и сэндвичами с сыром, разрезанными на ровные треугольники без корочек. Виски и вино были наготове. Две пожилые леди из деревни наливали цветку мировых разведок чай и кофе. Бывшие коллеги приветствовали Тома с радостью и жалостью одновременно; большинство из них, однако, были слишком осторожны и преданы собственным интересам, чтобы искренне сочувствовать попавшему в переделку «свидетелю Х». Некоторые уже знали о его разводе. Они подходили к Тому и сочувственно обнимали его за плечи, как будто он пережил невесть какую утрату или недавно узнал, что неизлечимо болен. И он их не винил. А что еще предполагается делать в подобных обстоятельствах?

Цветы, которые возлагали к гробу Уоллингера, были сложены в дальнем конце амбара. Том стоял снаружи и курил, когда увидел, что к ним подошли дети Пола – сын Эндрю и дочь Рэйчел. Они рассматривали венки и букеты, читали карточки и показывали их друг другу. Эндрю был младшим. Сейчас ему было двадцать

восемь, и, как говорили, он жил в Москве и являлся главой банка. Рэйчел Том не видел уже лет пятнадцать и был поражен тем, с какой грацией и достоинством она держалась, поддерживая за локоть мать, пока шла поминальная служба. Эндрю плакал, а Джозефин неживым взглядом смотрела в черную дыру могилы. Она казалась замороженной. Горе и шок, решил Том. Но Рэйчел была странно спокойна – как будто она знала какой-то секрет, который помогал ей сохранять присутствие духа.

Том жевал сигарету, рассеянно слушая, как один из местных фермеров рассказывает длинный запутанный анекдот о ветровых электростанциях. Рэйчел нагнулась и отцепила карточку от небольшого букета, лежавшего с краю. Эндрю стоял в нескольких метрах от нее, но Тому было прекрасно видно ее лицо. Рэйчел прочитала карточку, и ее глаза вдруг потемнели от гнева, а на щеках появился лихорадочный румянец.

То, что она сделала потом, не на шутку его удивило. Рэйчел снова нагнулась, схватила букет и с силой швырнул его в угол. Он с мягким стуком ударился о стену и упал на пол. Затем она сунула карточку в карман пальто и подошла к Эндрю, но ничего ему не сказала, как будто не хотела расстраивать брата недавним открытием. Через несколько секунд она вернулась к столам, где ее перехватила средних лет женщина в черной шляпе. Судя по всему, никто, кроме Тома, не заметил произошедшего.

В амбаре становилось жарко. Довольно скоро Рэйчел сняла пальто и повесила его на спинку стула. Она все еще беседовала с гостями, которые подходили к ней выразить свои соболезнования. В какой-то момент она рассмеялась, и все мужчины, как один, обернулись и посмотрели на нее. Рэйчел имела репутацию красавицы и умницы, и Том вспомнил, как некоторые из его коллег строили планы о том, как бы пригласить ее на рождественскую вечеринку. И все же она оказалась совсем не такой, как он себе представлял. В ей было нечто – чувство собственного достоинства, решительность, с которой она выбросила цветы, ощущение, что она полностью контролирует свои эмоции и ситуацию вокруг, – и это здорово интриговало Тома.

Через некоторое время Рэйчел направилась в противоположную сторону амбара. Она отошла от пальто по меньшей мере на пятьдесят футов. Том взял тарелку с сэндвичами и куском пирога, подхватил свое пальто и повесил его рядом с пальто Рэйчел. В то же самое время он быстро сунул руку во внешний карман и достал оттуда карточку.

Он огляделся по сторонам. Рэйчел его не видела. Она разговаривала с кем-то и стояла спиной к стулу. Том торопливо выбрался наружу, пересек дорогу и вошел в дом Уоллингеров. Несколько человек бродили по холлу, некоторые гости искали туалет, а официанты без устали носили еду и напитки из дома в амбар. Стараясь ни с кем не столкнуться, Том поднялся наверх.

Дверь ванной была заперта. Ему нужна была комната, где его никто бы не потревожил. Заметив на стене одной из дальних комнат постеры Pearl Jam и Кевина Питерсена, он пошел туда и понял, что оказался в спальне Эндрю. Над деревянным столом висели фотографии Эндрю в Итоне, бейсболки и разные спортивные сувениры. Том закрыл дверь, вытащил из кармана карточку и раскрыл ее.

Текст был написан на каком-то восточноевропейском языке, скорее всего на венгерском, решил он. Маленькая белая карточка с голубым цветком в правом верхнем углу.

«Szerelmem. Szivem darabokban, mert nem tudok Veled lenni soha mar. Olyan fdjo a csend amiota elmentel, hogy meg hallom a lelegzeted, amikor dlmodban neztelek».

Поняла ли Рэйчел, что это означает? Том положил карточку на кровать, вынул свой айфон и сфотографировал надпись. Потом он вышел из комнаты и снова вернулся в амбар.

Рэйчел нигде не было. Том снял свое пальто со спинки стула и незаметным движением руки положил карточку туда, где она и была. Она находилась у него не более пяти минут. Обернувшись, Том заметил, что Рэйчел уже опять здесь – она шла к матери, – и отправился покурить.

Амелия стояла перед домом, совсем одна – как человек, который ушел с вечеринки и теперь ждет такси.

– Что ты делал? – спросила она.

Сначала Том подумал, что она заметила его манипуляции с карточкой, но по выражению лица Амелии догадался: она имеет в виду его жизнь вообще.

– Ты имеешь в виду, в последнее время? В Лондоне?

– Да, в последнее время.

– Хочешь, чтобы я ответил честно?

– Да, разумеется.

– Е... я все.

Амелия никак не отреагировала на грубость. Обычно в таких случаях она улыбалась или шутливо-неодобрительно приподнимала бровь. Но сейчас она была совершенно серьезна, словно наконец нашла решение проблемы, которая мучила ее уже долгое время.

– Значит, в ближайшие несколько недель ты не занят?

Том вдруг почувствовал прилив радости. Кажется, удача вот-вот вернется к нему снова. «Просто спроси меня, – мысленно взмолился он. – Прими меня обратно в игру». Он взглянул на долину, контуры которой были намечены низкими каменными стенами сухой кладки, на овец вдалеке и подумал о невыносимо длинных днях, когда он совершенствовал свой арабский, одиноком отпуске в Лиссабоне и Бейруте, о курсах по изучению ирландской поэзии двадцатого века, на которые он записался... Все, что угодно, только бы убить время.

– У меня есть для тебя работа, – сказала Амелия. – Я хотела поговорить с тобой об этом раньше, но до похорон это было бы как-то неправильно.

Том услышал, как по гравию зашуршали чьи-то шаги. Кто-то направлялся к ним. Хоть бы Амелия рассказала, в чем дело, до того, как их прервут посередине беседы. Ему совсем не хотелось, чтобы она передумала.

– Какая работа?

– Ты можешь съездить на Хиос? Для меня? И в Турцию тоже? Нужно выяснить, чем занимался Пол перед тем, как погиб.

– Ты что, не знаешь, чем он занимался?

Амелия пожала плечами:

– Не все. О том, что касается личной жизни, – не знаю.

Том посмотрел себе под ноги, на мокрую землю, немного подумал и тоже пожал плечами. Большая часть его работы состояла как раз в том, чтобы проникать в чужую личную жизнь. И тем не менее что мы по-настоящему знаем о мыслях и намерениях тех, кто нам ближе всего?

– Никаких заданий, связанных с Хиосом, Пол не получал, – продолжила Амелия. – Джозефин считает, что он летал туда по делам. Местное отделение вообще не знало, что он там был.

По всей видимости, подумал Том, Амелия остановилась на самой очевидной версии, учитывая репутацию Пола и предыдущий опыт – он был на острове с женщиной и тщательно замел следы.

– Я сообщу Анкаре, что ты приедешь. Красная дорожка, высший уровень доступа. В Стамбул тоже. Они предоставят тебе все материалы, которые только понадобятся.

Это было все равно что со страхом ожидать ужасного диагноза и вдруг получить заключение, что ты совершенно здоров. Том ждал этого момента много месяцев.

– Я сделаю это, – сказал он.

– Ты ведь на полном окладе, после Франции? – Вопрос был риторический. – У тебя будет водитель и все, что нужно. Я отдам распоряжения насчет документов и прочего на другое имя – на случай, если оно тебе понадобится.

– А оно мне может понадобиться?

Амелия как будто утаивала от него крайне важную информацию. «На что же я, интересно, подписался?» – подумал он.

– Необязательно, – ответила она, и это только укрепило его подозрения. В этом деле было что-то еще. – Просто будь осторожен с янки.

– Что это значит?

– Ты сам поймешь. Там сейчас сложная ситуация.

Том удивился, с каким напряжением это было сказано.

– Ты что-то недоговариваешь. Что именно?

– Просто выясни, что там произошло, – быстро ответила она и крепко сжала его запястье – как будто хотела остановить хлещущую из раны кровь. Несколько секунд она пристально смотрела ему в глаза, затем перевела взгляд на амбар. Оттуда понемногу выходили люди в черном. – Почему Пол оказался на Хиосе? – почти выкрикнула она с отчаянием в голосе. Сильная и влиятельная женщина, которую мучило осознание того, что она не смогла защитить мужчину – возможно, до сих пор ею любимого. – Почему он умер?!

На секунду Тому показалось, что у нее сейчас начнется истерика. Он взял ее руку и пожал в ответ, чтобы успокоить и напомнить, что он рядом. Однако Амелия быстро овладела собой – словно внезапный порыв ветра пролетел над фермой, – и все слова утешения сразу стали ненужными.

– Все очень просто, – с натянутой улыбкой произнесла она. – Просто выясни, какого черта мы все оказались здесь.

Глава 7

За час Том успел собрать свои вещи, расплатиться по счету в гостинице и отменить заказанный столик в L'Enclume. К семи часам он был уже на станции Престон и нашел нужную платформу, от которой отходил вечерний поезд на

Юстон. Амелия поехала в Лондон на машине, с Саймоном Хэйнесом. Предварительно она позвонила в Афины и Анкару и оставила инструкции насчет поездки Тома.

Том купил в ларьке в зале ожидания сэндвич с тунцом и пакет чипсов, запил все это двумя банками «Стеллы Артуа» – их он приобрел уже у разносчика в поезде – и дочитал «Предчувствие конца». Ни коллеги, ни друзья из МИ-6 к нему не присоединились. В поезде ехали шпионы с пяти континентов; все они были погружены в книги, или ноутбуки, или разговоры с супругами, но никто из них не захотел при всех подсесть к опальному «свидетелю Х». Слишком рискованно. Мало ли что.

Домой Том прибыл к одиннадцати. Он знал, почему для выполнения такого важного задания Амелия выбрала именно его. В Воксхолл-Кросс было множество способных и умных офицеров, которые с радостью ухватились бы за возможность раскрыть тайну гибели Уоллингера. Но Томас Келл был одним из двух или трех самых доверенных людей, кто знал о длительном романе Амелии и Пола. По МИ-6 постоянно ходили слухи, что «шеф» никогда не была верна Жилу, что она изменяла мужу с неким американским бизнесменом. Однако большинство считало, что Левен и Уоллингера связывают чисто профессиональные отношения. Любое расследование предполагает вторжение в частную жизнь, и тогда на свет непременно выплывут неопровержимые доказательства любви Амелии и Пола. Разумеется, этого Амелия допустить не могла. А Том будет держать рот на замке, что бы ни узнал. Она рассчитывала на это.

Перед тем как лечь спать, Том разобрал сумки с вещами, нашел свой паспорт на фамилию Келл и послал фотографию текста на венгерском своему старому приятелю, служившему раньше в Агентстве национальной безопасности США. Теперь Тамаш Метка вышел на пенсию и держал бар в Сольноке. В семь утра Том уже сидел в такси, которое должно было отвезти его в аэропорт Гатвик. Затем он погрузился в обычную рутину. Путешествия по воздуху в двадцать первом веке. Длинные очереди, нервные пассажиры, жидкости, которые непременно нужно сдавать в багаж, бессмысленно снятые ремни и обувь.

Четыре часа спустя самолет приземлился в Афинах – колыбели цивилизации и центре мировых долгов. Связой ждал Тома в кафе в зале вылета; офицер МИ-6, которому Амелия приказала обеспечить документы для мистера Келла на время его пребывания на Хиосе. Молодой человек – он представился как Адам – явно

трудился над легендой всю ночь: он старательно таращил слипающиеся глаза, и кожа его подбородка под отросшей щетиной была красной от раздражения. Он обхватил руками большую кружку черного кофе; на столе перед ним лежал сэндвич – Том так и не понял с чем – и толстый конверт, подписанный одной буквой «Х». На Адаме была толстовка с надписью «Гринпис» и черная бейсболка «Найк», чтобы Тому было легче его узнать.

– Хорошо долетели?

– Да, все прекрасно, спасибо. – Том пожал протянутую руку.

Они перекинулись еще парой ничего не значащих фраз, а потом Том взял в руки конверт. Он уже прошел греческую таможню, так что теперь риск, что его поймут с двумя разными комплектами документов, был минимален.

– Прикрытие у нас коммерческое. Вы – представитель страховой компании «Скоттиш Видоуз» и расследуете обстоятельства смерти Пола Уоллингера, чтобы написать доклад руководству. Вас зовут Крис Хардвик. – Адам говорил тихо и без запинок, как будто не раз репетировал эту речь. – Я забронировал вам номер в отеле Golden sands в Карфасе; это в десяти минутах к югу от города Хиос. В Chandris не было свободных мест.

– Chandris?

– Да, там все останавливаются. Когда приезжают на остров по делам. Это лучший отель в городе.

– Вы думаете, Уоллингер мог жить там под чужим именем?

– Вполне возможно, сэр.

Уже больше года никто из коллег не называл Тома «сэр». Он забыл – или позволил себе забыть – о своем достаточно высоком статусе, о том, чего сумел достичь за свою долгую карьеру. Адаму было, вероятно, лет двадцать шесть или двадцать семь, и встреча с офицером такого ранга, как Томас Келл, должна была казаться ему важным жизненным событием. И очевидно, он хотел произвести на Тома хорошее впечатление – особенно учитывая его связи с

шефом.

– Я организовал вам машину. Она заказана на три дня. Стойка компании Eurorcar сразу за терминалом. Здесь пара кредитных карточек на имя Хардвика, обычный ПИН-код, разумеется, паспорт, права и несколько визиток. Боюсь, что единственная фотография, которую мы нашли в вашем файле, несколько устарела, сэр.

Том не обиделся. Он знал, о какой фотографии идет речь. Она была сделана на Воксхолл-Кросс 9 сентября 2001 года, в комнате без окон. Тогда его волосы были короче, на висках не пробивалась седина, а жизнь еще только должна была измениться. С тех пор каждый шпион на планете успел состариться по меньшей мере на двадцать лет.

– Я уверен, что все сойдет и так, – сказал он.

Адам посмотрел в потолок и несколько раз моргнул, как будто пытался вспомнить, какой пункт шел следующим в его мысленном списке.

– Авиадиспетчер, который дежурил в тот день, когда погиб мистер Уоллингер, готов встретиться с вами сегодня вечером в вашем отеле.

– Время?

– Я предложил семь часов.

– Это хорошо. Мне не хотелось бы тянуть. Спасибо.

Адам коротко кивнул, словно впитывая благодарность старшего офицера. «Я помню себя таким же, как ты, – подумал Том. – Я помню, как все было в самом начале». Его сердце чуть тронула ностальгия. Он представил себе жизнь Адама в Афинах: просторную квартиру от министерства иностранных дел, членские карточки ночных клубов, красивые местные девушки, очарованные гламурным, не стесняющимся в расходах дипломатическим образом жизни. Молодой человек, все будущее и карьера которого впереди, в одном из самых великолепных городов мира. Том сунул конверт в сумку и встал. Адам проводил его до ближайшего дьюти-фри, где они и расстались. Том зашел в магазин,

купил бутылку Macallan и упаковку Winston Lights для Хиоса и очень скоро снова оказался в небе над переливающимся солнечными бликами Средиземным морем. Он достал телефон и стал просматривать загруженные в аэропорту сообщения и почту.

Метка уже послал ему перевод той самой карточки, что читала Рэйчел.

«Мой дорогой Том!

Всегда рад получить от тебя весточку, и, конечно, я только счастлив, что могу тебе помочь.

Что с тобой произошло? Ты занялся поэзией? Пишешь любовные сонеты на венгерском? Может быть, у Клэр наконец-то хватило ума оставить тебя в покое и ты влюбился в девушку из Будапешта?

Вот что говорится в этом стихотворении – и прости, если мой перевод не так прекрасен, как оригинал.

«Дорогой мой. Именно сегодня я не могу быть рядом с тобой, и сердце мое разбито. Никогда еще тишина не была столь отчаянно безнадежной. Ты спишь, но я все еще слышу твое дыхание».

Очень трогательно. Очень грустно. Интересно, кто это написал? Я бы хотел познакомиться с этим человеком.

Разумеется, если будешь в наших краях, мы просто обязаны встретиться. Надеюсь, у тебя все хорошо и ты доволен жизнью. В Сольноке тебя всегда ждут. Сейчас я редко выбираюсь в Лондон.

Твой Тамаш».

Том выключил телефон и взглянул в иллюминатор, на клокастое белое облако. Теперь понятно, почему Рэйчел отреагировала так яростно: это было послание от одной из скорбящих любовниц Уоллингера. Но умела ли она читать по-

венгерски или просто узнала почерк этой женщины, Том знать, конечно, не мог.

Самолет приземлился в маленьком, но очень удобном аэропорту с единственной взлетной полосой на восточном побережье Хиоса. Том опознал командно-диспетчерский пункт, заметил перед ангаром бородатого инженера, который возился с «лендкрузером», и сфотографировал вертолет и бизнес-джет[8 - Бизнес-джет (жарг.) – также административный самолет, бизнес-самолет – самолет, предназначенный для перевозки официальных лиц, государственных учреждений и коммерческих организаций.], стоящие по обе стороны от Olympic Air Q400. Самолет Уоллингера поднялся в воздух всего в нескольких сотнях метров отсюда, затем сделал вираж и направился к востоку, к Измиру. «Сессна» вошла в турецкое воздушное пространство меньше чем через пять минут и упала в горах к юго-западу от Кютахьи примерно часом позже.

Водители такси на острове бастовали, и Том порадовался, что у него есть арендованный автомобиль. Ему нужно было проехать несколько миль к югу, в Карфас, по тихой дороге, по обеим сторонам которой тянулись лимонные и апельсиновые рощи и полуразвалившиеся дома, окруженные заборами. Оказалось, что отель Golden sands расположен в центре пляжа не меньше чем в километр длиной, откуда через Хиосский пролив виднелись берега Турции. Том разобрал сумку, принял душ, оделся в свежее и спустился в бар. Ожидая встречи с диспетчером, он вертел в руках бутылку лагера Efes и еле справлялся с желанием покурить прямо здесь, в помещении. Как изменились обстоятельства, подумал он вдруг. Меньше чем двадцать четыре часа назад он ел сэндвич с тунцом в поезде из Престона. Сейчас он один на греческом острове, в туристическом отеле, но вне сезона, изображает представителя страховой компании, который проводит расследование страхового случая. «Ты снова в игре, – сказал он себе. – Это то, чего ты хотел». Но знакомого ощущения радостной дрожи и предвкушения не было. Том вспомнил, как почти два года назад он приземлился в Ницце с заданием во что бы то ни стало разыскать Амелию Левен. Тогда все старые приемы и уловки его ремесла вернулись к нему автоматически, словно ими ведала мышечная память. Но в этот раз Том чувствовал только страх. Страх, что он откроет правду гибели своего друга. Не ошибка пилота. Не сбой механизмов. Просто тайный сговор и дымовая завеса. Просто убийство.

Мистеру Андонису Макрису, сотруднику службы гражданской авиации Греции, было около пятидесяти. Он имел типично греческую внешность, отличался

плотным телосложением и говорил на отличном, разве что чересчур усложненном английском. От него сильно пахло одеколоном. Том представился, передал ему визитную карточку Хардвика, поддержал его в том, что Хиос – очень красивый остров, и поблагодарил Макриса за согласие встретиться с ним так скоро.

– Ваш помощник из офиса в Эдинбурге сказал мне, что время – это важный фактор, – сказал Макрис. На нем был темно-синий костюм в тонкую полоску и белая рубашка без галстука. Самоуверенный, даже почти надменный, он производил впечатление человека, который уже несколько лет как достиг полного личного удовлетворения во всех областях жизни. – Я рад вам помочь. Такая трагедия. Здесь, на острове, многие были шокированы, узнав о гибели мистера Уоллингера. Уверен, что его семья и коллеги, так же как и мы, хотят как можно скорее узнать, что именно случилось.

По тому, как держался Макрис, было очевидно, что он ни в какой степени не считает себя ответственным за авткатастрофу. Как только представится возможность, он попытается свалить вину за смерть британского дипломата на турецких диспетчеров. Том нисколько в этом не сомневался.

– Вы лично встречались с мистером Уоллингером?

Макрис как раз отпил вина. Он на мгновение задержал его во рту, проглотил, аккуратно промокнул губы салфеткой и только потом ответил:

– Нет. – Его тон был абсолютно ровным. В речи слышался едва заметный намек на американский акцент. – План полета был подан до того, как я заступил на смену. Я говорил с пилотом – с мистером Полом Уоллингером – по радиии, пока он проверял оборудование, ехал по взлетной полосе и готовился подняться в воздух.

– И он был... в порядке?

– Что вы имеете в виду под «был в порядке»?

– Он не был слишком взволнован? Или пьян? Может быть, его голос звучал как-то напряженно?

– Пьян? – повторил Макрис так возмущенно, словно Том упрекнул его во лжи. – Конечно нет. Если я чувствую, что пилот находится в одном из тех состояний, что вы сейчас перечислили, я, разумеется, не разрешу ему взлет.

– Разумеется. – Тому никогда не хватало терпения на этих чересчур обидчивых бюрократов, и он не стал тратить время и придумывать извинения; и плевать он хотел, если нанес Макрису страшное оскорбление. – Вы должны понимать, почему я об этом спрашиваю. Чтобы составить полный отчет о произошедшем, я обязан узнать все малейшие детали...

Макрис, словно вдруг устав от разговора, нагнулся, поднял с пола тонкий кейс и положил его на стол. Том еще говорил, а толстые большие пальцы уже расстегивали замки. Легкий щелчок – и крышка отскочила, закрыв от Тома лицо Макриса.

– У меня с собой план полета, мистер Хардвик. Я сделал для вас копию.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны.

Макрис опустил крышку и передал Тому лист бумаги, покрытый нечитабельными греческими иероглифами. В некоторых колонках рукой Пола были написаны его личные данные, но адреса проживания на острове Том не увидел.

– Согласно сведениям, изложенным в плане полета, самолет «сессна» должен был пролететь над островом Эгнуса, а затем направиться на восток, в Турцию. Как только самолет пересекает воздушную границу Турции, над ним берут контроль Чешме или Измир.

– Так и было?

Макрис кивнул:

– Так и было. Пилот объявил, что выходит из нашего круга, и изменил радиочастоту. Начиная с этого момента, за мистера Уоллингера мы больше не отвечали.

– Вы знаете, где именно он жил на Хиосе?

Макрис бросил выразительный взгляд на план полета:

– Разве тут не указано?

Том повертел листок в руках, потом поднес поближе к глазам.

– Трудно сказать, – хмыкнул он.

Макрис скривил губы, как будто англичанин нанес ему еще одно жестокое оскорбление. Не понимает современный греческий язык, надо же! Он взял у Тома план полета, внимательно изучил его и признал, что адрес указан не был.

– Здесь значится только резиденция мистера Уоллингера в Анкаре, – констатировал он. Разумеется, это было совсем незначительное нарушение протокола, но Том подумал, что завтра первым же делом Макрис отловит в аэропорту подчиненного, отвечавшего за эту часть работы, и будет долго и нудно отчитывать его за упущение. – Но здесь есть номер телефона, – заметил он, как будто старался компенсировать конторскую ошибку.

– Номер телефона на Хиосе?

Макрису даже не нужно было проверять код города.

– Да.

Согласно предварительному отчету, который получила Амелия накануне похорон, Уоллингер использовал свою собственную летную книжку и летную лицензию, чтобы нанять в Турции «сессну», свой настоящий паспорт, чтобы попасть в Анкару, но никаких следов его передвижения по Хиосу обнаружено не было. Во время пребывания на острове его мобильный был в основном выключен; никакой активности по кредитным картам Уоллингера тоже не выявлено – ни по личной, ни по одной из четырех, зарегистрированных МИ-6 на другие легенды. Он умудрился провести неделю на Хиосе невидимым, будто привидение. Том заключил, что Уоллингер был с женщиной, и старался скрыть, где он находится, и от Джозефин, и от Амелии. В то же время тщательность, с которой он все это проделал, позволяла предположить, что Пол мог и встречаться здесь с кем-то из контактеров.

– Номер не кажется вам знакомым?

– Знакомым? Мне? – довольно надменно переспросил Макрис. – Нет.

– Не известно ли вам ничего по поводу того, что мистер Уоллингер делал на острове? Зачем он сюда приезжал? Может быть, до вас дошли какие-нибудь слухи, или вы прочитали что-то в газетах?

Том понимал, что вопросы, подобные этим, в его кругах называют словом «трал», но тем не менее ему казалось важным их задать. И его несколько не удивило, когда Макрис легким покашливанием дал ему понять, что мистер Хардвик чересчур углубляется в детали.

– Пол Уоллингер был просто туристом, разве нет? – спросил он, приподняв брови и совершенно не пытаясь придумать толковый ответ. – И я конечно же не читал и не слышал ничего такого, что могло бы предположить его другие интересы. Почему вы спрашиваете?

Том вежливо улыбнулся:

– О, это просто сведения общего характера для доклада. Мы должны точно установить, не может ли быть такого, что мистер Уоллингер намеренно лишил себя жизни.

Макрис немного подумал. С лица его при этом не сходило выражение достоинства и осознания собственной важности. Разумеется, он сразу же сообразил, что если по делу Уоллингера будет вынесен вердикт «самоубийство», то это сразу снимет с аэропорта Хиоса ответственность за произошедшую катастрофу и возможное дело против инженера, проверявшего «сессну», возбуждено не будет – по причине отсутствия оснований.

– Давайте я порасспрошу людей, – сказал наконец Макрис. – Если уж говорить начистоту, я еще не обсуждал катастрофу с моими коллегами из Турции.

– Как насчет ваших собственных инженеров?

– А что с ними такое? Я вас не совсем понимаю.

– Вы установили, кто дежурил в день полета?

– Конечно. – К этой, наиболее щекотливой, части беседы Макрис подготовился хорошо. Именно так Том и предполагал, а потому и представлял себе, что сейчас ответит грек. – Диспетчерская служба не отвечает за техобслуживание и инженерные работы. Это совершенно другой отдел. Полагаю, вы будете встречаться и с остальными нашими сотрудниками, чтобы наиболее полно представить себе картину произошедшей трагедии?

– Конечно. – Тому снова нестерпимо захотелось закурить. – У вас, случайно, не записано имя того самого инженера?

Макрис, похоже, прикинул, что будет, если отказать человеку из «Скоттиш Видоуз» в этой простой просьбе. Он раздраженно дернул шеей, снова недовольно покашлял и написал имя и фамилию на обратной стороне плана полета.

– Яннис Кристидис? – Том взгляделся в тонкий, неразборчивый, какой-то паукообразный почерк. Этого имени и телефонного номера будет вполне достаточно, чтобы выяснить, чем занимался на острове Уоллингера за несколько дней до смерти.

– Все верно, – подтвердил Макрис. К удивлению Тома, он резко встал и одним глотком допил остававшееся в бокале вино. – Что-нибудь еще, мистер Хардвик? Видите ли, жена ожидает меня к ужину.

Как только Макрис вышел из отеля, Том поднялся к себе и по городскому телефону позвонил по номеру, который значился в плане полета. Он попал на автоответчик, но сообщение было на греческом. Том спустился вниз, снова набрал номер и попросил администратора послушать, что говорят в трубке, и перевести ему. К его огромному разочарованию, голос оказался не настоящим, а компьютерным, и автоответчик не называл никаких имен или названий фирм. Том, уже очень голодный и думающий только об ужине, снова вернулся к себе и позвонил Адаму.

– Имя инженера, который обслуживал самолет Уоллингера, – Яннис Кристидис. Проверьте, пожалуйста, может, у нас на него что-нибудь есть.

– Конечно.

Судя по голосу Адама, звонок Тома прервал его сиесту. Он услышал стук – что-то упало, потом послышались шорохи – Адам искал ручку. На заднем плане лаяла собака.

– С такой фамилией, как Кристидис, вы, вероятно, получите весь греческий телефонный справочник, но постарайтесь посмотреть, есть ли у него профиль здесь, на острове.

– Будет сделано.

– Как насчет обратного телефонного справочника Хиоса?

– Мы что-нибудь придумаем.

Том продиктовал Адаму номер телефона, обозначенный с обратной стороны плана полета, проверил, что все записано правильно, повесил трубку и мысленно щелкнул выключателем. Он посмотрел анонсы новостей на CNN и пошел в ресторан на пляже, где заказал себе греческий салат и сибаса на гриле. Столик стоял на террасе, залитой лунным светом, и далеко впереди Том видел переливающиеся, подмигивающие огоньки на побережье Турции. Они напоминали взлетно-посадочную полосу.

В десять часов, закулив очередную сигарету, Том почувствовал, как в кармане завибрировал телефон. Адам прислал ему сообщение:

«Все еще работаю по Я. К. Номер принадлежит агентству по сдаче недвижимости в аренду. «Виллас Ангелис», 119, Катаника, у порта. Владелец значитсЯ Николас Дельфас».

Александр Минасян, резидент Службы внешней разведки в Киеве, завербовавший агента с кодовым именем Кодак, что вскоре должно было сделать его легендой в коридорах Ясенева, так искусно обставлял свои визиты в Турцию, что казался почти привидением. Иногда он прилетал на самолете. Иногда приезжал на машине или грузовике через Болгарию. Один раз он сел в поезд и пересек границу в Эдирне. Всегда под разными именами, всегда с разными паспортами. Три раза за время операции «Кодак» он прибывал на корабле из Одессы – это был его любимый способ попадать в Турцию. Позже он встречался с агентом в номере отеля Ciragan Kempinski. Они пили охлажденное красное вино сансер и говорили о политической и моральной пользе, которую приносит работа Кодака. Этот агент с самого начала показал, что у него отличные инстинкты, и всегда отказывался от контактов с не представленными ему сотрудниками Службы внешней разведки на территории Турции, а также с посредниками и агентами под неофициальным прикрытием. Кодак имел дело исключительно с Минасяном, которого он знал просто как Карла.

Организовано все было достаточно просто. Когда у Кодака оказывалась нужная информация, он появлялся в одном из двух кафе в Анкаре или Стамбуле и подавал условный сигнал. Это видел один из работников посольства, и в Киев немедленно посылалась телеграмма. По известным только ему причинам Кодак считал, что далеко не каждую бумажку, попадавшую ему на стол, стоит передавать Службе внешней разведки, – и в этом вопросе Минасян ему полностью доверял. То, что он посылал СВР, всегда являлось «лакомыми кусочками» (это было выражение Кодака; Минасян его не знал и в свое время был вынужден поискать его в словаре), обычно превосходного качества.

– Мне не интересно передавать вам километры сообщений об инвестиционных целях, отраслевых бюджетах и прочую ерунду из области гадания на хрустальном шаре. То, что я для вас выбираю, – это четкая, имеющая огромное практическое значение информация сверхсекретного характера.

В Стамбуле у них было два тайника. Один находился в мужском туалете ресторанчика для туристов в Султанахмете, принадлежащего бывшему офицеру КГБ, который давно вышел в отставку и женился на турчанке, родившей ему двух сыновей. Пустой, без всякой сантехнической начинки бачок во второй кабинке (в туалете недавно сделали ремонт) был идеальным местом для того, чтобы оставлять там флешки, хард-диски или документы – все, что хотел передать Кодак.

Второй тайник располагался в руинах старого дома, которым, по слухам, раньше владел Лев Троцкий, – на северной стороне острова Бююкада в Мраморном море. Это хранилище Кодак использовал чаще, потому что дружил с журналистом, жившим неподалеку, и его посещения острова можно было объяснить визитами к старому другу. Недавно Кодак сказал, что сливной бачок вызывает у него отвращение – хотя он, разумеется, был тщательнейшим образом вычищен и дезинфицирован во время ремонта туалета. Кодак пожаловался Минасяну, что каждый раз, поднимая крышку бачка, чтобы сделать закладку, чувствует себя «как Майкл Корлеоне, который собирается кого-нибудь пристрелить». Минасян пообещал подыскать третий тайник, хотя Кодаку все больше и больше нравился тайник на острове Бююкада, надежно спрятанный среди руин и защищенный от непогоды и грызунов.

Именно к нему и направлялся сейчас Минасян. Его путешествие, как всегда, было, если можно так выразиться, шестичасовым шедевром шпионского искусства – уход от возможного наблюдения, который включал в себя две перемены одежды, пять разных такси, два парома (один на север, к Истинье, другой на юг, к Бостанчи), а также три мили пешком по районам Бешикташ и Бейоглу. Только когда Минасян убедился, что за ним нет хвоста, он нанял частную лодку в Маринтурк-Марине, которая быстро довезла его до острова Бююкада.

Оказавшись на острове, Минасян не расслабился – нужно было по-прежнему соблюдать осторожность. Нельзя было отменить вероятность, что ОНР[9 - ОНР (тур. Milli ?stihbarat Teskilati) – Организация национальной разведки, государственная спецслужба Турции.] или американцы могут вести особое наблюдение на острове и захотят взять его, когда он будет идти пешком (на Бююкада не допускался никакой транспорт, только велосипеды и конные экипажи). Поэтому в ресторане рядом с терминалом парома он еще раз сменил наружность и вышел через черный ход. Прodelав полный круг по острову в экипаже, Минасян велел вознице остановиться в трехстах метрах от дома Троцкого и оставшееся расстояние преодолел на своих двоих.

На плече у него висела кожаная сумка, где лежала смена одежды, плавки и полотенце. В теплое время года Минасян любил немного поплавать перед тем, как забрать из тайника посылку. Это придавало предприятию оттенок невинного удовольствия. Однако сегодня он хотел пораньше вернуться в Кадыкёй на пароме, чтобы пообедать с приятелем в районе Бебек. Поэтому он двинулся прямо к тайнику, в миллионный раз убедился, что за ним никто не следует, и

достал то, что Кодак положил туда днем раньше.

Бумага была вложена в прозрачный файл, свернута в трубку и перетянута резинкой, так что ей не могла повредить влага. Такова была обычная практика. Минасян развернул ее и сразу же сфотографировал содержимое. К его удивлению, там значилось лишь следующее:

«ЛВ/СКСПС Тегеран (ядерная) Массуд Могадам кодовое имя ЭЙНШТЕЙН».

Глава 9

Офисные помещения «Виллас Ангелис» были расположены над маленьким семейным ресторанчиком в гавани города Хиос. Том поднялся по внешней боковой лестнице на второй этаж и постучал. За дверью, поло вина которой была из стекла с «ледяным» узором, виднелся маленький светлый кабинет, в котором сидела женщина лет сорока. Она подняла голову, на мгновение вопросительно нахмурилась, тут же широко улыбнулась и направилась к двери. У женщины была на редкость пышная грудь, и она прямо-таки излучала дружелюбие и радушие.

– Здравствуйте, сэр, – сказала она по-английски, совершенно правильно рассудив, что посетитель прибыл на остров как турист и не говорит по-гречески. На ней было легкое летнее платье с цветочным рисунком и голубые эспадрильи, изрядно сплюснутые распухшими ногами. – Пожалуйста, садитесь. Чем мы можем вам помочь?

Том потряс протянутую руку и втиснулся в маленький деревянный стульчик напротив стола сотрудницы агентства. Как выяснилось, ее звали Марианна, и ростом она была не выше кулера, рядом с которым стояла. В качестве заставки на экране ее компьютера красовалась фотография немолодой греческой пары – видимо, родители, подумал Том. Фотографий бойфренда или мужа на столе не было, только один снимок в рамочке, где был запечатлен серьезный мальчик в бриджах – племянник? – с родителями по обеим сторонам. Обручального кольца на руке у Марианны не наблюдалось.

– Меня зовут Крис Хардвик, – сказал Том и протянул свою визитку. – Я занимаюсь расследованием страховых случаев для компании «Скоттиш Видоуз».

Марианна неплохо говорила по-английски, но все же ее знаний оказалось недостаточно, чтобы понять, что такое втолковывает ей мистер Хардвик. Она попросила Тома повторить все сначала и впилась глазами в визитку, как будто там мог быть ключ к его словам.

– Я расследую смерть английского дипломата. Его звали Пол Уоллингер. Это имя вам знакомо?

У Марианны было такое выражение лица, словно ей очень-очень хотелось, чтобы имя оказалось знакомым. В ее взгляде читалось страстное желание помочь, едва ли не нежность; она даже чуть склонила голову набок, чтобы лучше думалось. В конце концов, однако, женщина была вынуждена признать свое поражение. Нет, ей не известно такое имя, извиняющимся тоном произнесла она, словно ей было стыдно за собственное невежество.

– Но кто он? Мне так жаль, что я не могу быть вам полезной.

– Ничего страшного. – Том постарался улыбнуться.

Слева на стене висел полуотклеившийся плакат с Акрополем. Рядом с ним сразу трое часов в бледно-серых рамках показывали время в Афинах, Париже и Нью-Йорке. На лестнице слышались шаги. Том обернулся. В офис вошел мужчина, напоминавший телосложением Андониса Макриса и примерно того же возраста. У него были толстые брови и густая черная борода. Том заметил, что волосы у новоприбывшего крашенные, причем в два разных оттенка, один из которых пытался перебороть другой. Увидев Тома, он пробормотал что-то по-гречески, прошел к дальнему окну комнаты и открыл ставни. В офис хлынула волна утреннего солнечного света и звуков с улицы. Грек, совершенно очевидно, был боссом Марианны, и Том решил, что он сделал ей небольшой выговор – но за что именно, разумеется, осталось загадкой.

– Нико, это мистер Хардвик. – Марианна примирительно улыбнулась – видимо, извиняясь за раздражительность начальства. Она принялась что-то печатать, а Николас Дельфас подошел к Тому и пригласил его перейти к его собственному

столу. Его жесты и язык тела были проявлением мачизма в чистом виде: «Теперь я здесь, и я главный. Мужчины должны иметь дело с мужчинами».

– Вы хотите снять дом? – Нико сухо и неуклюже пожал Тому руку.

– Нет. Дело в том, что я занимаюсь расследованиями для страховой компании. – Дельфас потянулся к углу стола и стал деловито рыться в куче бумаг. – Я как раз расспрашивал вашу коллегу, не имела ли ваша фирма дел с британским дипломатом по имени Пол Уоллингер.

Не успел Том произнести слово «дипломат», как Дельфас энергично замотал головой:

– Нет. Я не хочу об этом говорить. Я его не знаю. Не знал.

Он быстро взглянул на Тома, но тут же отвел глаза.

– Вы не хотите о нем говорить или вы его не знали?

Дельфас зачем-то полез на самую верхнюю полку исцарапанного черного шкафчика для документов и начал что-то там искать. Не найдя ничего подходящего, он тяжело вздохнул, разочарованно покачал головой и только потом перевел взгляд на Тома. Казалось, он удивляется, почему этот человек до сих пор сидит в его офисе.

– Прошу прощения? – уточнил он.

– Я спросил вас, встречались ли вы с мистером Уоллингером.

Дельфас скривил губы, так что его усы встопорщились и ноздри скрылись в густых зарослях.

– Я уже сказал вам, что ничего не знаю об этом человеке. Я не в состоянии ответить на ваши вопросы. Могу я еще чем-нибудь вам помочь?

– В плане полета мистер Уоллингер указал телефон вашего офиса как свой контактный номер на Хиосе. Не снимал ли он дом через «Виллас Ангелис»?

Том взглянул на Марианну. Она была по-прежнему погружена в работу, но было абсолютно ясно, что она внимательно прислушивается к каждому слову: ее щеки и уши были пунцовыми, а поза напряженной и неестественной. Дельфас что-то коротко рявкнул в ее сторону, а потом пробормотал нечто вроде «gamoto», что, как понял Том, было весьма близко ко всем известному английскому ругательству.

– Послушайте, мистер... э-э-э...

– Хардвик.

– Да-да. Я не знаю, о чем вы говорите. Видите ли, у нас много дел. Я не могу помочь вам с вашим расследованием.

– Вы ничего не слышали о несчастном случае? – Это «много дел» изрядно позабавило Тома. В офисе царило примерно такое же оживление и атмосфера всеобщей занятости, как в пустом зале ожидания какой-нибудь отдаленной железнодорожной станции на побочной ветке. – Он вылетел из аэропорта Хиоса на прошлой неделе. И его «сессна» потерпела крушение в Западной Турции.

Марианна не выдержала и обернулась. Было видно, что она либо все же вспомнила фамилию Уоллингер, либо слышала о падении самолета. Дельфас, заметив это, стал теснить Томаса к выходу.

– Ничего не знаю, – сказал он и добавил еще что-то энергичное на своем родном языке.

Открыв дверь, владелец «Виллас Ангелис» уставился в пол и замер. Тому не оставалось ничего иного, как уйти. Он всю жизнь имел дело с людьми, которые лгут – и неумело, и мастерски, – и первым правилом здесь было не загонять вруна в угол. Если человек упрямится и не желает говорить правду, лучше «потушить» его на медленном огне.

– Хорошо, – сказал Том. – Ладно.

Он повернулся к Марианне, кивнул ей на прощание и одновременно быстро окинул помещение взглядом – камеры слежения? сигнализация? – и заодно

прикинул, сложные ли замки на двери. Учитывая, что Дельфас явно что-то скрывает, возможно, придется наведаться сюда еще раз и покопаться в компьютерах фирмы. Том сообщил Дельфасу, что ему «непременно напишут из Эдинбурга относительно отношений мистера Уоллингера с агентством «Виллас Ангелис», и поблагодарил за беседу.

– Да, спасибо, – пробормотал Дельфас по-английски и поспешил закрыть дверь.

Часы работы фирмы и ее телефонный номер были обозначены на белой табличке из твердой пластмассы, висевшей рядом с внешней боковой лестницей. Том внимательно изучил ее и уже подумывал, как лучше организовать приезд техников на Хиос, но тут ему в голову пришла куда более простая идея. Навыки старого циничного шпиона. Теперь он точно знал, что ему нужно сделать. Не надо никуда вламываться. Есть же еще и Марианна.

Глава 10

– Вербовка агента – это, по сути, акт соблазнения, – наставительно говорил инструктор в Форт-Монктон группе зеленых юнцов, новичков МИ-6, осенью 1994 года. – А трюк с агентами противоположного пола состоит в том, чтобы соблазнить их... э-э-э... без собственно соблазнения.

По аудитории пронесся недвусмысленный гоготок. Том помнил все так, словно это было вчера. Эти обладающие блестящими способностями будущие шпионы конечно же подумали, не произойдет ли однажды так, что между агентом и куратором возникнет сексуальное притяжение. Разумеется, это случалось. Завоевать доверие незнакомого человека, заставить или убедить его действовать так, как тебе нужно, хотя его инстинкты говорят ему обратное, – разве это не первый шаг к постели? По-настоящему хорошие, ценные агенты были, как правило, умны, амбициозны и нуждались в эмоциональной поддержке. Для того чтобы управлять ими, требовалось немалое мастерство, смесь лести, доброты и сочувствия. В задачу шпиона входило выслушивать, держать ситуацию под контролем, всегда оставаться сильным, зачастую в неимоверно трудных обстоятельствах. Обычно мужчины, которых нанимала на работу МИ-6, были физически привлекательны; женщины тоже. Несколько раз за время своей карьеры Том оказывался в положении, когда – стоило ему только захотеть – он

мог бы с легкостью переспать с женщиной-агентом. Они начинали полностью полагаться на куратора, верить ему безоговорочно, часто даже обожать. Было ли это странностью или нет, но шпионская деятельность являлась довольно мощным афродизиаком. По той же самой причине атмосфера в Темз-Хаус[10 - Темз-Хаус (англ. Thames House) – штаб-квартира британской спецслужбы МИ-5.] и Воксхолл-Кросс порой напоминала бордель, особенно если это касалось более молодых сотрудников. Секретность переходила в интимность. Офицеры разведывательной службы могли обсуждать свои дела только с другими офицерами. Нередко это происходило ночью, за бокалом вина или еще чего-нибудь в баре МИ-5 или в местном пабе на Воксхолл. За границей и дома... так был устроен этот особый мир. И именно поэтому процент разводов в МИ-6 был едва ли не выше, чем в Беверли-Хиллз.

«...Трюк с агентами противоположного пола состоит в том, чтобы соблазнить их... э-э-э... без собственно соблазнения». Думая о словах инструктора, Том сидел на стене гавани и поглядывал на окна второго этажа «Виллас Ангелис». На часах было без четверти три. Ровно без одной минуты три из здания вышли Дельфас и Марианна – у них был перерыв на обед. Дельфас направился в ресторан, расположенный внизу; несколько посетителей, сидевших под темно-красным навесом, поприветствовали его кивками. Марианна пошла дальше, по дороге в гавань. Том, держась на приличном расстоянии, последовал за ней и увидел, что она вошла в ресторан рядом с терминалом парома. С того места, где он стоял, Тому было прекрасно видно ее столик. В ресторане имелась еще одна дверь, через которую можно было войти незамеченным, сесть, заказать что-нибудь поесть и придумать повод пройти мимо Марианны.

Он взял из банкомата пятьсот евро, зашел в ресторан, кивнул официантке и сел. Через минуту перед ним уже лежало раскрытое меню; через две Том заказал колбаски с жареным картофелем, салат и пол-литровую бутылку газированной воды. Марианна занимала столик в другой стороне, за баром; всего в ресторане было человек пятнадцать или двадцать. Том не видел сам столик, но разглядел макушку Марианны, когда входил.

Как только официантка принесла воду, он встал и направился к бару. Потом повернул направо, якобы в поисках туалетов, но при этом не сводил взгляд с Марианны. Заметив боковым зрением, что на нее кто-то смотрит, Марианна подняла голову и, разумеется, узнала недавнего посетителя. Она дружелюбно улыбнулась и отложила в сторону книгу, которую читала до этого.

– О! И снова здравствуйте! – с удивлением воскликнул Том. Он с удовлетворением отметил, что Марианна покраснела.

– Мистер Хардинг!

– Хардвик. Вообще, зовите меня Крис. Вы ведь Марианна, так?

Она смутилась еще больше – оказалось, что он помнит, как ее зовут, а она нет.

– Что вы здесь делаете?

Том обернулся и махнул в сторону своего столика:

– Полагаю, то же самое, что и вы. Обедаю.

– Вы уже поели?

Марианна мельком взглянула на свободный стул рядом, как бы собираясь с силами пригласить его присоединиться к ней.

– Только что заказал, – ответил он и обворожительно улыбнулся. – Что это у вас тут? Суп? Выглядит восхитительно.

Марианна опустила голову и внимательно посмотрела на тарелку прозрачного куриного бульона. Потом медленно подняла ложку. В какой-то безумный момент Тому показалось, что сейчас она предложит ему попробовать.

– Да, это суп. Послушайте... мне очень жаль. Я про Нико.

Он сделал вид, что ничего не понял.

– Нико?

– Ну... мой босс.

– А, ваш босс... Да, он меня весьма разочаровал.

Кажется, Марианна не знала, что еще сказать. Том посмотрел в сторону туалетов.

– Прошу прощения. – Она тут же поняла намек. – Не хотела вас задерживать.

– Нет-нет, что вы, – запротестовал Том. – Я очень рад, что повстречал вас тут. Мне понравилось, как мы... разговаривали сегодня утром.

Как реагировать на комплимент, Марианна, конечно, не знала. Она в замешательстве поднесла руку к лицу и кончиками пальцев зачем-то потрогала брови. Том помолчал, чтобы рыбка наверняка клюнула на наживку.

– Я так расстроился. Мне бы очень помогло, если бы я знал, зачем мистер Уоллингер оставил номер именно вашего агентства.

По лицу Марианны было заметно, что она, судя по всему, знает ответ на простой вопрос мистера Хардвика.

– Да, – сказала она и погладила переплет книги, словно бы набираясь храбрости. Лихорадочный румянец постепенно исчезал с ее щек, а разговор, казалось, интересовал ее все больше и больше. – С Нико бывает трудно. Особенно по утрам.

Том кивнул, намеренно позволяя беседе снова ненадолго зависнуть. Марианна бросила несколько нервный взгляд на бар.

– Боже, как я себя веду. Где мои манеры? Вы же гость на Хиосе. Не хотите присесть за мой столик? Я просто не могу позволить, чтобы вы обедали там в полном одиночестве.

– Вы уверены? – Том ощутил знакомое радостное волнение. Идеально выполненный план.

– Ну конечно! – К Марианне неожиданно вернулись ее природная разговорчивость и жизнерадостность. – Я сейчас скажу официантке, чтобы она перенесла вашу еду сюда, – торопливо проговорила она. – То есть, конечно, если вы правда не против?

– Я буду просто счастлив.

Дальше все было очень просто. Раскручивать человека, который об этом и не подозревает, ему не приходилось уже больше года, но знакомые приемы невозможно забыть, словно заученные в школе грамматические правила. Это давно стало второй натурой Тома. «Если вы делаете все правильно, – говорил все тот же инструктор в Форт-Монктон набору 1994 года, – вам не будет казаться, что вы действуете цинично или манипулируете другим человеком. Будет ощущение, что вы оба просто хотите одного и того же. Как будто вашему будущему агенту что-то от вас требуется и вы идете ему навстречу и выполняете его требования».

Таким вот образом Томас Келл выявил границы преданности Марианны Димитриадис своему начальнику Николасу Дельфасу.

Сначала он избегал разговоров об Уоллингере. Наоборот, Том старался задавать как можно больше вопросов о самой Марианне. К тому времени, как им принесли десерт – рисово-лимонный пудинг, – он знал, где она родилась, сколько у нее братьев и сестер, где они все живут, как она начала работать в «Виллас Ангелис», почему осталась на Хиосе, а не переехала в Салоники, чтобы сделать карьеру, а также имя и фамилию ее экс-бойфренда, немецкого туриста, который прожил с ней полгода, а затем вернулся к своей жене в Мюнхен. За естественным дружелюбием и бодростью Марианны Том угадал одиночество тетушки, так и не побывавшей замужем, крушение романтических надежд и социальную неустроенность. Он почти не отрывал взгляда от ее оживленных и в то же время грустных глаз; улыбался, когда улыбалась она, слушал внимательно и с интересом – именно так, как ей и хотелось. Когда пришло время спросить счет, Том был практически уверен, что Марианна не откажется выполнить для него простую просьбу.

– У меня проблема, – признался он.

– Да?

– Если я не узнаю, почему Пол Уоллингер указал в летном плане номер вашего офиса, мой босс взлетит до потолка. Он пошлет на Хиос еще одного сотрудника, меня обвинят в непрофессионализме, и все дело займет несколько недель и будет стоить нам кучу денег.

– Понимаю.

– Прости, что я это говорю, Марианна, но у меня сложилось впечатление, что Нико от меня что-то скрывает. В чем дело?

Она уткнула взгляд в стол и покачала головой, но Том видел, что она слегка улыбается.

– Не хочу совать нос в чужие дела, но... – не сдавался он.

– Ты вовсе не суешь нос не в свое дело, – тут же возразила она, подняла голову и посмотрела ему в глаза – с нежностью и надеждой. Том уже успел привыкнуть к этому ее характерному взгляду.

– Тогда я не понимаю...

– Нико не слишком... – она поискала нужное слово, – добрый. – Том не ожидал такого определения, но все равно обрадовался. – Он не любит помогать людям просто так – только если они могут чем-то помочь ему. И он не любит ввязываться ни в какие... сложности.

Том кивнул. Описание Марианны было идеально точным. Мимо столика прошла официантка, и он, воспользовавшись возможностью, заказал эспрессо.

– А какие тут могут быть сложности? – спросил он. – У него были какие-то... дела с мистером Уоллингером?

Марианна улыбнулась, а потом звонко рассмеялась. Не попал, подумал Том. Она покачала головой.

– Нет, нет. В их отношениях не было ничего странного или тайного. – Она взглянула в окно. К пристани причаливал паром; пассажиры махали встречающим на берегу. – Он просто решил тебе не помогать. – По лицу мистера Хардвика было заметно, что он шокирован подобным ничем не обоснованным проявлением недружелюбия. – Не принимай это близко к сердцу. С тобой лично это никак не связано. – Том решил, что сейчас она накроет его ладонь своей, но ошибся. – Он такой со всеми. Я вот не такая. И большинство греков не такие.

– Конечно. Абсолютно согласен.

Вот он, подходящий момент. Толстенькая пачка из пятисот евро лежала у него в бумажнике. Деньги были предназначены для Марианны – он хотел предложить ей их за сотрудничество. Однако Том был готов поспорить сам с собой, что они ему не понадобятся.

– Ты хотела бы мне помочь? – спросил он.

– Как? – Она опять покраснела.

– Просто скажи мне то, чего не сказал Нико. Это избавит меня от миллиона разных заморочек и неприятностей.

Если Марианна и задумалась, насколько этично будет выполнить просьбу Тома, то заняло это не более секунды. Она коротко вздохнула, и преданность боссу была отброшена и забыта, как окурочка сигареты.

– Насколько я помню, – протянула она, и Том тут же максимально сосредоточился, – мистер Уоллинггер жил на одной из наших вилл. Неделю.

– Но почему Нико мне этого не сказал?

Марианна пожала плечами. Это означало – потому что он упертый баран с дурным характером.

– Он заходил в офис забрать ключи.

Том вдруг почему-то удивился. Он представил себе Пола в «Виллас Ангелис», и это было все равно что Уоллинггер внезапно воскрес из мертвых.

– Ты его видела? Разговаривала с ним?

– Да. Очень милый мужчина, тихий, серьезный. – Марианна чуть поколебалась – не заденет ли она эго мистера Хардвика. – Очень высокий и невероятно привлекательный.

Том улыбнулся. Как похоже на Пола.

– Он был один?

– Да. Хотя позже в тот день я видела его кое с кем еще.

– О... И кто это был? – Том уже собирался добавить «женщина?», но вовремя спохватился. – Еще один турист?

– Да, мужчина, – спокойно подтвердила Марианна. Том подумал, уж не подводит ли ее память. Он ожидал совсем другого ответа. – Я проходила мимо их столика, – продолжила она. – В кафе возле нашего офиса.

В голове у Тома вдруг пронеслись слова Амелии: «Просто будь осторожен с янки. Ты сам поймешь. Там сейчас сложная ситуация».

– А этот мужчина... он был, случайно, не американец?

Том задавал слишком много вопросов, но надеялся, что это не будет заметно в теплой, дружеской атмосфере, которая установилась между ним и Марианной; кроме этого, их как будто соединило участие в небольшом забавном проступке.

– Не знаю, – ответила она. – Я его больше не видела.

– И он был такой же привлекательный, как мистер Уоллингер?

Том ослепительно улыбнулся, осторожно подводя Марианну к тому, чтобы она описала внешность незнакомца, ни о чем не подозревая.

– О нет. – Она охотно заглотила наживку. – Он был помоложе, но с бородой, а я терпеть не могу бороды. Кстати, я думаю, что виллу сняла женщина. На самом деле даже в этом уверена, потому что говорила с ней по телефону.

Это и было имя, в котором нуждался Том. Имя женщины. Найди ее – и ты найдешь мужчину.

– Не хочу, чтобы у тебя возникли неприятности, – сказал он, глядя Марианне в глаза. Но его взгляд транслировал совсем другое сообщение.

– Что ты имеешь в виду?

– Все, что мне нужно, – это копия договора об аренде. Если в нем нет ничего темного или незаконного, мне не придется...

Марианна даже не дослушала его до конца. Ведь теперь они были друзьями – а может быть, и кем-то больше. Мистер Хардвик с успехом завоевал ее полное доверие. Она подалась вперед и наконец-то коснулась его запястья. Снаружи доносился грохот мопеда и пронзительные крики чаек, круживших над рестораном.

– Нет проблем, – просто сказала она. – Где ты остановился и как лучше всего переслать тебе бумагу? По факсу можно?

Три часа спустя, лежа на кровати в отеле – Том к тому времени успел прочитать почти половину романа «Меня зовут Красный», – он услышал стук в дверь. Открыв, он увидел ту же самую девушку-администратора, которая раньше помогла ему перевести запись автоответчика, как выяснилось, «Виллас Ангелис». Она держала в руках лист бумаги.

– Вам факс.

Том дал ей пять евро на чай и вернулся в номер. Марианна прислала не только договор о найме. К нему прилагалось коротенькое послание, написанное от руки: «Было очень приятно с тобой познакомиться! Надеюсь, мы еще увидимся!» Документ был составлен на двух языках, так что Том мог свободно прочитать, что вилла, которая так его интересовала, была снята за 2500 евро, на семь дней, предшествующих крушению. Имени Уоллингера в контракте не было, только подпись и дата рождения женщины, предоставившей в качестве удостоверения личности венгерский паспорт и номер мобильного телефона. Увидев этот почерк, Том почувствовал, как тайна гнева Рэйчел, развернувшей тогда на похоронах карточку, раскрывается перед ним, словно цветок. Он проверил снимок на своем айфоне и увеличил изображение. Подпись на договоре о найме виллы абсолютно совпадала с подписью на записке.

Через пару минут он уже звонил Тамашу Метке.

– Том! – воскликнул Тамаш. – Скажи мне, почему я вдруг стал так популярен?

– Мне нужно досье на кое-какого человечка. Венгерский паспорт.

– Это тот самый поэт?

Том засмеялся:

– Не поэт. Поэтесса. Ну что, действуем по обычному соглашению?

– Конечно. Имя?

– Шандор, – сказал Том и достал пачку сигарет. – Сесилия Шандор.

Глава 11

Рэйчел Уоллингер сама удивлялась силе своего горя. Большую часть взрослой жизни она считала отца лгуном, изменником, человеком, который так и не сумел заработать денег, и уж никак не стержнем и не главой семьи. Но теперь он умер, и ей не хватало его так, как никогда и никого на этом свете.

Как можно тосковать по человеку, который то и дело предавал мать? Как можно страдать по отцу, который почти не давал ей ни любви, ни внимания? Рэйчел не только не уважала Пола Уоллингера, он ей даже не особенно нравился. Когда друзья спрашивали, какие у нее отношения с отцом, она всегда выдавала приблизительно один и тот же ответ: «Он дипломат. Мы росли по всему миру. Я едва его видела». На самом деле правда была гораздо сложнее, и она держала ее при себе. Отец был шпионом. Семью он использовал как ширму для своей секретной деятельности. Эта тайная жизнь на благо государства предоставляла ему прекрасную возможность вести и тайную жизнь сердца.

Когда Рэйчел было пятнадцать – тогда они жили в Каире, – она вернулась из школы раньше обычного и увидела, что отец целуется с какой-то женщиной на кухне. Она только вошла в сад, посмотрела на дом и заметила их в окне. Женщину она потом узнала – это была одна из сотрудниц посольства. В тот самый момент все ее представления об их счастливой жизни были уничтожены, разметаны в прах. Из сильного, благородного человека, которого Рэйчел обожала всей душой и кому доверяла больше, чем самой себе, отец в одно мгновение превратился в страшного незнакомца, способного предать мать; мужчину, чья любовь к дочери была такой же подделкой.

И что было еще хуже, он понял, что Рэйчел его заметила. Женщина тут же ушла. Пол вышел в сад и попытался убедить дочь, что он просто пытался утешить свою коллегу, которая была очень расстроена. «Пожалуйста, не упоминай об этом при маме. Ты неправильно истолковала то, что увидела». В состоянии полного шока Рэйчел согласилась не говорить ничего матери, но это соучастие во лжи навсегда изменило их отношения с отцом. Никакой награды за сохраненный секрет она не получила; по сути, ее наказали. Отец стал отстраненным и безразличным. Он как будто забрал у нее свою любовь. На протяжении долгих лет Рэйчел казалось, что он воспринимал ее как потенциальную угрозу. Иногда она вдруг начинала думать, что это она предала его, а не он ее.

То, что она увидела в тот незабываемый день, во многом сформировало и ее собственные взаимоотношения с мужчинами. Становясь старше, Рэйчел все больше и больше понимала, что верить нельзя никому. Она играла в сложные игры со своими потенциальными возлюбленными, проверяла их на двуличность и склонность ко лжи. Скрытную Рэйчел, которая никого не пускала в свой внутренний мир, как правило, тянуло к мужчинам, которых она не могла или не смогла бы контролировать. И в то же самое время, особенно когда ей было около двадцати, она часто отталкивала действительно достойных, добрых и любящих.

После «инцидента» в Каире Рэйчел стала считать своим долгом следить за личной жизнью отца. Постепенно у нее развилось нечто вроде маниакального восхищения его поведением. Она проверяла даты встреч в его ежедневнике, «составляла досье» на «знакомых», которых ей представляли на якобы вполне невинных семейных вечеринках, подслушивала телефонные разговоры, стоя за дверью кабинета отца или родительской спальни.

Потом, годы спустя, воспоминания о том самом дне снова все изменили. Всего за несколько недель до гибели отца Рэйчел обнаружила письмо, которое он

написал очередной любовнице. На конверте значился адрес их семейного дома на Глостер-Роуд. Рэйчел узнала почерк – не знала она только имени женщины, которой предназначалось письмо в Хорватию: Сесилия Шандор. На конверте стояла печать «адрес неизвестен» и пометка о возмещении почтовых расходов. Рэйчел вскрыла письмо до того, как мать просмотрела утреннюю почту.

Она все еще помнила его наизусть.

«Я не могу перестать думать о тебе, Сесилия. Я хочу твоё тело, твой рот, хочу ощущать твой вкус, запах твоих духов, хочу говорить с тобой, слышать твой смех – я хочу всю тебя, постоянно.

Не могу дождаться, когда мы увидимся, моя милая.

Я люблю тебя.

П.».

Больше чем через пятнадцать лет после откровения в Каире Рэйчел вдруг ощутила точно такую же выкручивающую сердце боль, тот же шок, что испытала, глядя в кухонное окно. В тридцать один год она, разумеется, уже не была моралисткой и не питала никаких иллюзий насчет супружеской верности. Просто письмо напомнило ей, что на самом деле все осталось так же, как было. Что её отец всегда ставил свою собственную жизнь, свои страсти, своих женщин впереди, выше любви к жене и дочери.

Так почему же она так невыносимо по нему тосковала? Возвращаясь в Лондон на следующий день после похорон, Рэйчел внезапно ощутила такую невозможную боль, что вынуждена была притормозить у обочины. Она уткнулась головой в руль и разрыдалась – да так, что еще долго не могла остановиться. Но когда бурный поток слез немного иссяк, она почувствовала себя даже в какой-то степени освеженной и смогла ехать дальше и думать о том, как утешить мать, даже если для этого придется остаться с ней на несколько дней. Нельзя, чтобы сейчас она была одна.

Эту способность управлять своим поведением, отделять чувства одно от другого, словно раскладывая их по разным ячейкам, Рэйчел часто наблюдала в своем отце. Он был жестким и своевольным, его было почти невозможно переубедить, и люди часто воспринимали это как высокомерие. Порой Рэйчел и сама слышала обвинения в черствости и отстраненности, особенно со стороны бойфрендов, которых поначалу привлекала ее уверенность в себе и энергичность; однако в конце концов ее несклонность к компромиссам и отказ соответствовать чужим представлениям заставлял их бежать от нее как от огня.

Рэйчел наконец поняла, как много досталось ей от отца, – особенно четко это было видно теперь, когда он ушел, – и ей вдруг показалось, что он живет внутри нее и ей никогда не удастся отделаться от его влияния. И если уж честно, ей этого совсем не хотелось. После смерти отца ее чувства к нему стали сложнее. Она злилась на него за то, что он всегда держал ее на расстоянии – в эмоциональном смысле, но в то же время вспоминала те редкие моменты, когда он обнимал ее, или брал на ужин в Лондон, или сидел в первом ряду, когда ей вручали диплом в Оксфорде, и это и согревало, и разрывало ей сердце. Конечно, Рэйчел хотелось бы, чтобы отец был верен своей семье, но гораздо больше она сожалела о том, что не спросила его тогда напрямую, не заставила во всем признаться. Возможно, отец сошел в могилу, зная, что дочь презирает его. И чувство вины Рэйчел временами становилось совсем уж мучительным.

Они были так похожи. И при этом не в ладах практически всю ее взрослую жизнь. Возможно, именно поэтому они к ней и пришли? Поэтому предложили сотрудничество?

Способность быть шпионом заложена в генах. Это талант, который передается из поколения в поколение.

Глава 12

Если бы повезло с течением, Том смог бы добраться до Турции за пару часов. От Карфаса до Чешме было меньше десяти километров; паром из города Хиос доставил бы его туда за сорок пять минут. Вместо этого, придерживаясь плана, разработанного в Лондоне, он полетел обратно в Афины, а затем пересел в дневной самолет до Анкары. Во время полета они все время проваливались в

воздушные ямы, приземлились около пяти, и вдобавок еще час ушел у Тома на поиски багажа в хаосе турецкого аэропорта, где было слишком много служащих и уж тем более пассажиров.

Дуглас Тремэйн, правая рука Уоллингера в Анкаре и в настоящем глава отделения, ожидал его в зале прибытия. Интересно, подумал Том, что означает его личное присутствие в аэропорту? Что Тремэйн крайне серьезно относится к расследованию гибели своего шефа или что ему до смерти скучно и он рад любому новому человеку? На нем был идеально отутюженный льняной костюм и рубашка – по виду очень дорогая. Вдобавок Тремэйн вылил на себя достаточно одеколона, чтобы у любого в радиусе двадцати футов начинали слезиться глаза. Его волосы были тщательно уложены, а коричневые туфли-броги сияли бриллиантовым блеском.

– Я думал, мы встретимся за ужином, – заметил Том, забрасывая на плечо сумку. Они направились к стоянке. Тремэйн был бывшим армейским офицером (не женат, личностные характеристики неизвестны), с которым Тому довелось совсем немного поработать в конце 1990-х, когда оба они служили в Лондоне. Как и некоторые другие его коллеги, Том пришел к выводу, что Тремэйн, судя по всему, пока еще не нашел в себе достаточно храбрости, чтобы признаться хотя бы самому себе – не говоря уже о других, – что он гей. Красивый настолько, что это практически невозможно было выносить, Тремэйн был хорош, как правило, в малых дозах. Мысль о необходимости провести вместе с ним следующие несколько часов – а потом еще два полных дня и две ночи в британском консульстве, разбирая документы Уоллингера, – сразу привела Тома в уныние с некоторой примесью ужаса.

– Ну, у меня было свободное время, и я прекрасно знаю, что за народ местные таксисты, так что решил сделать тебе сюрприз. И мы сможем начать говорить о делах уже в машине.

Учитывая тот факт, что Тремэйн был известен турецким властям, можно было с уверенностью предположить, что все, сказанное в машине, будет записано и передано в MIT, Турецкую разведывательную службу.

– Как давно ты ее проверял? – поинтересовался Том, забросив сумку в багажник. На левом заднем крыле машины красовалась вмятина – незалеченный шрам жертвы дорожного движения Анкары.

– Не волнуйся, Том, не волнуйся. – Тремэйн сам открыл для него дверь, как шофер, который напрашивается на чаевые. – Взял ее только вчера днем. – Он похлопал по крыше. – Она чиста, как утренняя роса.

– Но за ней кто-то ездит?

Прежде чем ответить, Тремэйн сел за руль и завел двигатель.

– Иранцы. Русские. Турки. Разве это не часть моей работы? Отвлекать на себя слежку, чтобы такие, как ты, могли спокойно заниматься своим делом?

Если такое положение вещей его и напрягало, Тремэйн ничем не выдал своего раздражения. Он принадлежал к породе шпионов более тихих, слегка обленившихся, обычно не возражавших против службы в тени своих более активных коллег. Уоллингер был звездой Турции, специальный уполномоченный Амелии; он отвечал за реструктуризацию операций МИ-6 на Ближнем Востоке и возглавлял команду голодных молодых волков, жадных до действия офицеров разведки, жаждущих нанимать агентов и проводить операции против множества врагов в Анкаре и за ней. Будь на то его воля, Тремэйн ни за что не стал бы рваться к власти и выбивать себе пост главы отделения.

Через несколько минут «вольво» Тремэйна уже тащился по типичному турецкому шоссе, а к Тому возвращались смутные воспоминания об Анкаре – городе без души, распростертом в степях... Безликие здания неопределенного возраста... странный, беспорядочный ландшафт. Он бывал здесь дважды, оба раза – ради встречи с представителями МИТ, и не запомнил ничего, кроме колючей январской метели, из-за которой здание британского посольства стало похоже на отель на горнолыжном курорте в Альпах.

– Так что мы тут задраиваем все люки. Готовимся к трудным временам и пытаемся привыкнуть к новой ситуации. – Том вдруг понял, что, занятый своими мыслями, он понятия не имеет, как долго Тремэйн уже произносит свой монолог. – Я не смог приехать на похороны, как ты знаешь. Должен был приглядывать здесь за всем.

Том чуть-чуть приоткрыл окно и зажег сигарету – четвертую с тех пор, как приземлился самолет.

– Это было нелегко. Очень трогательно. Масса старых знакомых. И полным-полно неотвеченных вопросов.

– Ты думаешь, он мог... устроить крушение сам?

Тремэйну хватило такта выдержать паузу, прежде чем задать вопрос, но момент был максимально неподходящий, и это вызвало у Тома раздражение.

– Скажи мне сам. На твой взгляд, Пол производил впечатление человека, склонного к суициду?

– Нет, совсем нет. – Тремэйн ответил быстро и без колебаний, хотя не замедлил сделать небольшое добавление: – По правде сказать, мы не слишком-то часто общались. Мы не были друзьями или даже приятелями. Большую часть времени Пол проводил в Стамбуле.

– Была ли для этого какая-то особая причина?

Тремэйн чуть замялся.

– Но там же главная станция[11 - Станция – аналог российской резидентуры, заграничное учреждение органа внешней разведки. Подобные структуры, как правило, действуют под прикрытием официальных загранучреждений – посольств, консульств, торговых представительств и др.].

– Я прекрасно об этом знаю, Дуг. Именно поэтому я и спросил – была ли «особая причина».

Он снова «тралил», пытаясь выудить хоть что-нибудь полезное – тех, от кого Уоллингер получал информацию (не важно, осознанно они ее давали или неосознанно), его контакты, его женщин. Море документов, телеграмм и так далее, в которое Тому предстояло на много часов погрузиться завтра, представило бы ему официальную версию интересов и поведения Уоллингера, но ничто не могло сравниться по ценности со слухами и сплетнями.

– Ну... Во-первых, ему просто нравился этот город. Пол знал его как свои пять пальцев и наслаждался Стамбулом так, как тот заслуживает симпатии. Место-то

ведь прекрасное. Здесь все совсем по-другому. Анкара – город правительства, полицейский город. Как ты скоро поймешь, большая часть важных обсуждений на тему Ирана, Сирии и так далее происходит именно в Стамбуле. У Пола был чудесный дом в Еникёй; там его окружали его картины, его книги. Именно туда приезжала Джозефин. Она терпеть не могла Анкару. И дети тоже.

– И Рэйчел приезжала?

Тремэйн кивнул:

– По-моему, только один раз.

Том вытащил айфон и проверил, нет ли чего нового. Одно сообщение – как выяснилось, от местного мобильного провайдера, который приветствовал его в своей сети, и три письма в почте, два из которых оказались спамом. Дурная привычка, с которой он ничего не мог поделать. Том привык то и дело лазить за телефоном в те одинокие дни и ночи в Лондоне, когда ему совершенно нечем было занять себя и свой ум; он жаждал хоть каких-нибудь новостей, любого, пусть самого незначительного контакта с внешним миром. Со временем это переросло в едва ли не наркотическую зависимость. Чаще всего он мечтал получить дружелюбное милое сообщение от Клэр – только чтобы убедиться, что она не до конца исчезла из его жизни.

– Это новая модель? – поинтересовался Тремэйн.

– Понятия не имею, – ответил Том и сунул айфон обратно в карман. – Скажи мне, над чем работал Пол перед смертью? Амелия сказала, что ты сумеешь быстро ввести меня в курс дела.

Тремэйн переключил передачу, и машина поползла к светофору. На нем горел красный.

– Полагаю, ты слышал об армянском фиаско?

Это было напоминание о том, что Келл слишком долго пробыл «не в обойме». Что бы Тремэйн ни имел в виду под «армянским фиаско», Амелия ни словом не упомянула об этом в Картмеле.

– Давай действовать так, будто я начинаю с нуля, Дуг. Решение о том, чтобы послать меня сюда, было принято всего два дня назад.

Светофор замигал. Тремэйн продвинулся еще немного вперед. Они миновали огромный плакат, где Жозе Моуринью рекламировал какой-то особый вид страхования.

– Ясно, – протянул Тремэйн, явно удивленный невежеством Тома. – Так. Ну что ж. Лучше всего это можно описать как чертов фарс. Совместная операция с Кузенами заняла у нас целых восемь месяцев – с целью переправить через границу одного высокопоставленного иранского чиновника из военного министерства. Со стороны Тегерана все идет как по нотам, парень добирается вместе со своим курьером до границы, Пол и его коллега из ЦРУ уже готовятся открыть шампанское и... Бум!

– Бум?

– Машину бомбят. Агент и курьер погибают на месте. Пол закатывает глаза от бешенства, Кузены машут ему на прощание... Все это есть в докладе, ты прочитаешь его завтра. – Тремэйн обогнал грузовик, отравлявший выхлопами воздух вечерней Анкары, и снова переключил передачу. – Амелия тебе ничего не рассказывала?

Том покачал головой: «Нет, Амелия мне ничего не рассказывала». Кстати, почему? Чтобы сохранить лицо или за этим стояло нечто большее, чем проваленная совместная операция?

– Бомбу сбросили иранцы?

– Мы полагаем, что да. Причем почти наверняка с дистанционным управлением. По понятным причинам мы не смогли исследовать обломки машины. Вообще это выглядело так, будто нам дали взглянуть на наш приз, полюбоваться им пару секунд и его тут же выхватили у нас из-под носа. Очень продуманное оскорбление, демонстрация силы. Вероятно, в Тегеране все это время знали о Хичкоке.

– Хичкок – это было его кодовое имя?

– По-настоящему его звали Садег Мирзаи.

Том опять подивился – почему Амелия не сказала ему о бомбе? И говорили ли про операцию на похоронах? Возможно, были беседы, для которых его сочли недостаточно посвященным? Он ощутил знакомый холодный гнев шпиона, которого долго держали в стороне от важной внутренней информации.

– Что думают о случившемся американцы?

Тремэйн пожал плечами. В глубине души он придерживался мнения, что Кузены после событий 11 сентября стали сами устанавливать для себя законы; теперь с ними нужно было обращаться по-другому, но лучше всего держать на расстоянии вытянутой руки – настолько, насколько это возможно.

– Ты встречаешься с ними в понедельник. – Он сказал это таким тоном, словно ему было неловко за то, что он подвел Тома. – Слушай, Том, мне нужно кое о чем с тобой переговорить.

– Давай.

– Глава станции ЦРУ здесь. Тебе, видимо, сообщили?

– Сообщили что?

Тремэйн потер затекшую шею, и по машине распространилась новая волна удушливого аромата одеколона.

– Том, я в курсе твоей ситуации. Уже некоторое время. – Тремэйн, разумеется, говорил о «свидетеле Х» – с такой интонацией, словно ожидал от Тома благодарности за тактичность. – Что бы там ни было, я считаю, тебя вздернули ни за что.

– Что бы там ни было, я тоже так считаю.

– Выставили тебя живым щитом, чтобы защитить правительство ее величества. Сделали мальчиком для битья за бесконечные ошибки и просчеты наших «высших».

– И низших тоже, – добавил Том и с трудом выпихнул окурок в узкую щель приоткрытого окна. В этот самый момент, когда они проезжали мимо группы мужчин, без всякой видимой цели толпившихся у обочины шоссе, Том с точностью до ста процентов знал, что будет говорить Тремэйн. Мысленно он снова оказался в Кабуле 2004 года, в комнате рядом с Яссином Гарани и взбешенным офицером ЦРУ, который наносил ему удар за ударом. Хотел выбить дурь из воина джихада, которому основательно промыли мозги.

– Джим Чейтер в городе.

Чейтер и был тем самым человеком, ради репутации и честного имени которого Том пожертвовал своей карьерой. Все эти годы его больше всего бесила как раз собственная наивность – и не в последнюю очередь потому, что Чейтер так и не поблагодарил его по-настоящему за то, что Том скрыл от всех самое неприятное. Гарани был избит до потери сознания. Его лицо закрыли тряпкой и непрерывно лили на нее воду. За несовершенные грехи его перевели в секретную тюрьму в Каире, а потом – когда египтяне с ним закончили – на Кубу, где его ожидали бесконечные унижения Гуантанамо. И – как оказалось – именно с Чейтером Тому предстояло обсуждать гибель Пола Уоллингера.

Он повернулся к Тремэйну и в который раз задал себе вопрос, почему «шеф» его ни о чем не предупредила. По всей видимости, свои собственные интересы – а именно желание сохранить связь с Полом в тайне – были для нее гораздо важнее, чем продиктованная здравым смыслом необходимость ознакомить Тома с ситуацией и не дать ему столкнуться с тем, кого он считал виноватым в провале своей карьеры. Но возможно, она видела в этом и какие-то преимущества.

Тремэйн, разыскивая гостиницу Тома, пытался справиться с турецким навигатором, а сам Том в это время напряженно размышлял. Чейтер был словно больной зуб, постоянный элемент напряжения в дружеских, в общем, отношениях между двумя разведками. Амелия дала ему шанс все разъяснить и «закрыть», наконец, дискуссию. Что-то дикое и животное шевельнулось вдруг в душе Тома, некая дремлющая до поры до времени жестокость. Возможность общаться и вести дела с Джимом Чейтером в Турции предоставляла ему также прекрасный шанс отомстить.

Массуд Могадам, лектор, читающий курс химии в Техническом университете Шарифа, коммерческий директор, отвечающий за закупки на заводе по обогащению урана в Нетензе, неподалеку от Исфахана, а также агент ЦРУ, завербованный Джимом Чейтером в 2009 году и известный в Лэнгли под кодовым именем Эйнштейн, проснулся, как обычно, перед рассветом.

Все его утра были похожи одно на другое. Он вылезал из постели, не тревожа спящую жену, принимал душ, чистил зубы и читал молитвы в гостиной – в квартире на севере Тегерана, где жила его семья, было две спальни и гостиная. К семи просыпались дети, шестилетний Хуман и восьмилетняя Ширин. К этому времени его жена Наргиз тоже была на ногах: умывшись, она готовила завтрак на кухне. Дети уже достаточно подросли, чтобы самостоятельно одеться, но все еще были недостаточно взрослыми, чтобы есть аккуратно, поэтому, когда вся семья собиралась вместе за завтраком, обедом или ужином, это, как правило, напоминало картину апокалипсиса. На завтрак Массуд и Наргиз обычно ели лаваш с фетой и медом; дети предпочитали намазывать свой лаваш шоколадной пастой или инжирным джемом; и пол, и стол были усыпаны крошками и заляпаны шоколадом и джемом. Пока родители наслаждались чаем, Хуман и Ширин пили апельсиновый сок, болта ли о своих друзьях и хохотали. В восемь дети отправлялись в школу. Мать провожала их до ворот, Массуд оставался в квартире.

На работу доктор Могадам надевал один и тот же костюм. Черные кожаные туфли, черные брюки из шерстяной фланели, простая белая рубашка и темно-серый пиджак. Под рубашку он поддевал белую майку и практически никогда не снимал с шеи серебряную цепочку, которую подарила ему сестра перед переездом во Франкфурт, где жил ее муж-немец; это было в 1998 году. Чаще всего, чтобы избежать утренних пробок, от которых Тегеран вставал намертво, Массуд ехал на метро. Однако в конце этого дня у него была назначена встреча в Пардесе, и ему нужна была машина, чтобы вернуться домой после ужина.

Ездил Массуд на белом «Пежо-205» – машину они держали на стоянке за домом. Он не раз со смехом говорил Наргиз, что всего лишь несколько раз ему удавалось разогнаться в Тегеране до скорости больше чем двадцать миль в час – и каждый раз это было на спуске со стоянки. Поэтому сегодня, как любой автовладелец, которому нужно было ехать в южном направлении по шоссе

Чамран или шоссе Шейх Нури, он застрял в безнадежной, не меньше чем на час, пробке. Кондиционера в «пежо» не было, поэтому Массуд был вынужден опустить все стекла, не имея возможности хоть как-то отгородиться от загрязненного выхлопами воздуха и адского шума.

Массуд пытался слушать по радио новости и сводки и пробках на дорогах, но очень скоро сдался. Эти отчеты были абсолютно бессмысленны. Теперь в Тегеране строили так много станций метро – стройки, разумеется, блокировали движение – и было такое немыслимое количество машин, что единственным решением в данной ситуации было просто упорно ехать в нужном направлении согласно самому короткому маршруту от точки А до точки Б. Свернув с главной магистрали, ты рисковал нарваться на дорожную полицию, которая вернет тебя обратно, или на целую вечность застрять за каким-нибудь сломанным грузовиком. Сегодня смог окутывал Эльбрус, словно саван, и, стараясь унять раздражение, Массуд подключил свой МРЗ-плеер к стереосистеме и выбрал «Хорошо темперированный клавир». Хотя отдельные ноты и музыкальные фразы иногда заглушали гудки автомобилей и рев моторов, он знал эту вещь наизусть. Бах всегда помогал Массуду снять стресс раскаленного летнего утра, проведенного в пробке, которая сковывала все четыре полосы.

Спустя практически час он наконец-то сумел свернуть с Шейх Нури на шоссе Ядегар-е Имам. До университетской стоянки оставалось всего несколько сотен метров, хотя Массуду еще предстояло преодолеть два светофора. Солнце пекло невыносимо, и его рубашка намокла от пота. Он снова притормозил. Мимо водительского окна прошел пешеход, и запах его ментоловой сигареты вдруг напомнил Массуду отца. Впереди он видел еще одного полицейского, который пытался разрулить очередное скопление машин. Его окружала невообразимая какофония самых разных шумов, поверх которой победоносно звучал Бах.

Массуд взглянул в правое боковое зеркало, готовясь прорваться в правый ряд, чтобы позже свернуть в сторону Хомейнишехра. В потоке машин лавировал мотоциклист; он находился метрах в двух от «пежо», и если бы Массуд продвинулся хоть немного вперед, то непременно задел бы парня. Он еще раз посмотрел в зеркало и заметил, что за водителем сидит еще и пассажир в шлеме. Лучше пусть быстрее проедут, от беды подальше.

Мотоцикл действительно поехал вперед, но рядом с «пежо» неожиданно притормозил. К изумлению Массуда, водитель нажал на тормоз и остановился. Впереди было довольно свободно, он мог спокойно продолжать движение, но

тем не менее стоял. Мотоциклист наклонился вперед и – кажется – посмотрел на Массуда сквозь черное стекло шлема, разбрасывавшего вокруг солнечные зайчики. Потом он вроде бы что-то сказал – не на персидском, – но светофор переключился на зеленый, и он вынужден был все-таки включить первую передачу и устремиться к повороту.

У Массуда вдруг возникло странное ощущение – как будто нечто очень тяжелое оттягивает заднюю дверь, давит на машину, задерживает... немного похоже на спущенную шину, но нет, нет – и только тогда он понял, что произошло. Его тут же охватила черная, животная паника. Мотоцикл давно скрылся – вынырнул прямо перед «пежо», резко развернулся в потоке транспорта и затерялся среди автомобилей, ехавших в противоположном направлении. Массуд отчаянно дернул ремень безопасности, не заглушая двигателя, и рванул дверь.

Свидетели взрыва позже сообщали, что доктор Массуд Могадам уже ступил одной ногой на дорогу, когда его охватило пламя. Взрыв полностью уничтожил переднюю часть «Пежо-205», практически не повредив при этом двигатель. В происшествии пострадали четверо прохожих, включая посетителя, выходившего в тот момент из ближайшего кафе. Молодой человек на велосипеде, девятнадцати лет, был убит на месте.

Глава 14

Следующие два дня, начиная с половины восьмого утра и до десяти вечера, Том провел в кабинете Пола на верхнем этаже британского посольства. Доступ к станции Секретной разведывательной службы преграждали несколько дверей, оборудованных системой безопасности; для того чтобы открыть их, требовались карта-ключ и пятизначный код. Последняя из дверей, которая вела из архива непосредственно в помещение станции, была едва ли не в метр толщиной, весила не меньше хорошего мотоцикла и находилась под прицелом камеры наблюдения, контролировавшей непосредственно из здания на Воксхолл-Кросс. Тома проинструктировали, что нужно справиться с комбинацией замков и повернуть одновременно две ручки, после чего медленно потянуть дверь на себя. Он в шутку сказал одной из секретарш, что это его первая физическая нагрузка за последний год. Она не засмеялась.

Согласно протоколу, которому подчинялись станции по всему миру, жесткий диск компьютера Уоллингера находился в сейфе до его отъезда в Грецию. В самое первое утро Том попросил одного из помощников достать его и включить компьютер. Сам он в это время мысленно составлял опись личных вещей Пола, которые находились в его кабинете. Три фотографии Джозефин на стенах. На одной она стояла посреди раскисшего английского поля и обнимала за плечи Эндрю и Рэйчел. И на ней, и на детях были теплые пальто; все трое улыбались из-под нахлобученных капюшонов и съехавших шапок. Счастливый семейный портрет. На столе стояла фотография Эндрю в его итонской визитке; фотографии Рэйчел в школьные годы не было.

Некролог отцу Уоллингера из Daily Telegraph (тот служил в УСО)[12 - УСО, Управление специальных операций (англ. Special Operations Executive) – британская разведывательно-диверсионная служба, действовавшая во время Второй мировой войны.], вставленный в рамку, висел на дальней стене кабинета рядом с еще одной огромной фотографией Эндрю на соревнованиях по гребле в Кембридже. И снова – никакого сопутствующего снимка Рэйчел, даже с ее выпускного в Оксфорде. Том знал о детях Уоллингера очень немного, но предположил, что с Эндрю у Пола отношения складывались легче, без осложнений, и сын был ему ближе, чем дочь, – скорее всего, потому, что в Эндрю в значительной мере присутствовали тот же самый невозмутимый мачизм и невысокая эмоциональность, что и в нем самом. Больше в кабинете ничего личного не было – разве что часы «Омега», которые Том обнаружил в одном из ящичков стола, и довольно потертый перстень с печаткой. Он ни разу не видел, чтобы Пол носил это кольцо. Самый большой ящик был заперт. Том попросил его открыть, но нашел только начатые упаковки с болеутоляющими таблетками и витаминами, а также написанное от руки – судя по дате, вскоре после свадьбы – любовное письмо Джозефин. Том прочел лишь первую строчку и отложил его в сторону – из уважения к личной жизни вдовы.

Хард-диск позволил ему прочитать все телеграммы МИ-6, которые отправлял и получал Уоллингер за предыдущие тринадцать месяцев. В это же самое время копии этих телеграмм читал один из помощников Амелии в Лондоне. Воксхолл-Кросс не копировал автоматически внутреннюю переписку Пола с сотрудниками станции, но Том не нашел ничего интересного или необычного в интернет-сообщениях Уоллингера послу или первому секретарю. Амелия буквально пошла по головам, чтобы предоставить Тому немедленный и неограниченный доступ к любой информации в Турции, которая могла бы помочь ему понять, в каком состоянии находился Пол перед гибелью, что занимало его мысли, а также маршрут его передвижения в течение нескольких недель, предшествовавших

крушению. Ему было разрешено даже прочесть самые секретные сообщения, касающиеся «иранских центрифуг», которые видели только глава отделения МИ-6 в Стамбуле, Амелия, министр иностранных дел и премьер-министр. Внутренний доклад о провалившемся деле Садега Мирзаи был продублирован и отослан Джиму Чейтеру, который добавил к нему свои замечания; то же самое было сделано с докладом ЦРУ. Опять же Том не обнаружил ничего необычного ни в процедуре вербовки Мирзаи, ни в плане операции по его переправке, ни в том, как она осуществлялась. С этим не должно было возникнуть никаких проблем. Все было четко и ясно. Как предположил Тремэйн, иранцев, скорее всего, предупредили об операции. И вероятно, конспирацию нарушил сам Мирзаи. Полную картину можно было получить, только поговорив лично с Чейтером.

На третий день в Анкаре Том взял такси и отправился на виллу Пола. Дом принадлежал министерству иностранных дел, и вот уже два десятилетия его поочередно занимали те, кто возглавлял станцию. Поворачивая в двери ключ, Том подумал, что за свою жизнь он провел обыски в сотнях квартир, домов, номеров в отелях, офисов и так далее, но рыться в вещах друга до этого ему приходилось лишь однажды, два года назад, когда он разыскивал пропавшую Амелию Левен. Это было одно из самых здравых правил Секретной разведывательной службы и МИ-5 – не использовать служебные базы данных, чтобы следить за знакомыми или родственниками. Те, кто, пользуясь своим положением, пытались получить сведения о новой подружке или о коллеге, быстро оказывались за дверью.

Вилла поражала роскошным дизайном в современном турецком стиле. От личного вкуса Пола здесь не было практически ничего. Том предположил, что в доме Уоллингера в Стамбуле атмосфера, должно быть, совершенно другая – больше вещей, больше безделушек и книг, эдакий приют эрудита. А здесь, судя по всему, недавно побывала уборщица: все кухонные поверхности были отполированы до блеска, как на глянцевой картинке в каталоге, вода в унитазах была ярко-голубой, кровати тщательнейшим образом заправлены, коврики выровнены, словно по линейке, и ни единой пылинки – ни на столах, ни на полках. В шкафах Том нашел то, что и предполагал: одежду, обувь и коробки; то же самое в ванной – туалетные принадлежности, полотенца и халат. Рядом с кроватью Уоллингера лежала биография Линдона Джонсона, возле телевизора внизу – коробки со всеми пятью сезонами сериала The Wire. Вилла, совершенно бездушная, как гостиничный номер, не говорила практически ничего о личности

своего жильца. Даже в кабинете Пола витало ощущение какой-то временности: единственная фотография Джозефин на письменном столе, еще одна – Рэйчел и Эндрю в детстве – на стене. Разные журналы, турецкие и английские, триллеры в мягких обложках на полке, репродукция плаката Олимпийских игр 1974 года в Инсбруке. Пара записей в блокноте с отрывными страничками. В ящике стола Том нашел старый, уже законченный ежедневник – и это было все. Никаких спрятанных документов, писем, заложенных за картину, фальшивых паспортов или записок о самоубийстве.

В шкафчике под лестницей Пол держал свою теннисную ракетку и клюшки для гольфа. Чувствуя себя немного глупо, Том проверил, нет ли тайника в ручке ракетки или двойного дна в сумке с клюшками. И снова ничего. Только несколько старых футболок и два каменно-твердых шарика жевательной резинки. То же самое было и наверху; Том выдвигал ящики и обшаривал дно, разбирал абажуры, заглядывал под шкафы, но Уоллингер явно не хранил в этом доме ничего секретного. Он переходил из комнаты в комнату – за окном пели птицы и изредка проезжали машины, улица была тихой, почти пригородной – и думал, что Тремэйн был прав. Настоящий дом Пола, куда он вкладывал душу и сердце, находился в Стамбуле.

Он был в ванной, которая примыкала к меньшей из двух гостевых спален, когда услышал, как открылась и закрылась входная дверь. Звякнули ключи, небрежно брошенные на стеклянный столик. Не грабитель и не посторонний; этот человек вошел уверенно и не таясь. Уборщица? Управляющий?

Том вышел из ванной на площадку лестницы.

– Кто здесь? – по-турецки спросил он.

Никакого ответа. Он стал осторожно спускаться вниз.

– Кто здесь? Здравствуйте! – крикнул Том еще раз.

Он заглянул вниз, в холл. Слабая тень проползла по полу и пропала. То, кто зашел в дом, кто бы это ни был, теперь находился в кабинете Уоллингера. Дойдя до середины лестницы, Том наконец услышал ответ. Этот мелодичный, певучий акцент он узнал мгновенно.

– Здравствуйте!

Она вышла из кабинета. Голубые легинсы, черная кожаная куртка. Волосы сильно отросли; теперь она собирала их в хвост. Том не видел ее со времен операции по спасению Франсуа Мало, в которой она сыграла важнейшую роль. Заметив его, она ослепительно улыбнулась и выразительно выругалась по-итальянски:

– Tua madre! [13 - Твою мать! (ит.)]

– Эльза, – улыбнулся Том. – А я все думал, когда же на тебя наткнусь.

Глава 15

Они обнялись. То есть Эльза бросилась ему на шею и стиснула с такой силой, что Том чуть не потерял равновесие. Теперь у нее были другие духи. Так хорошо знакомая ему фигура, теплое приветствие вдруг заставили Тома вспомнить, что тем летом, во время операции, они почти стали любовниками. Тогда его удержала только верность Клэр и профессиональная этика.

– Как я рада тебя видеть! Это потрясающе! – Эльза приподнялась на цыпочки, чтобы его поцеловать. Том тут же почувствовал себя любимым дядюшкой, и это ему совершенно не понравилось. Как легко удалось Эльзе пробить броню его естественной сдержанности, как близки они стали за то недолгое время, что провели вместе... – Это Амелия тебя послала? – спросила она.

Том удивился: Эльза не знала, что он будет в Анкаре?

– Да. Она тебе не говорила?

– Нет!

Ну конечно, не говорила. Сколько еще фрилансеров разведывательной службы работает по делу Уоллингера? Скольких сотрудников Амелия заставила примчаться сюда сломя голову со всех концов земли, чтобы узнать, почему погиб

Пол?

– Ты хочешь забрать его компьютеры?

Эльза была чудо-специалистом по компьютерам; несколько лет назад она перешла из штата на «вольные хлеба». Она могла взломать любой код, залезть в любую программу так же легко, как другие вундеркинды – с ходу переводить с мандаринского китайского или прочитав с листа фортепианный концерт Шостаковича. Два года назад она здорово поработала с лэптопами и «блэкберри», которые были позарез нужны Тому для расследования. Без нее операция точно бы провалилась.

– Ну конечно. Только что взяла ключи от дома.

Она кивнула на стеклянный столик. Ключи лежали рядом с вазой с искусственными цветами.

– Вот это я называю оказаться в нужное время в нужном месте, – сказал Том. – Я как раз собирался запустить жесткий диск.

Эльза скривилась. И оттого, что произошла путаница в их обязанностях, и оттого, что она знала, насколько беспомощен был Том во всем, что касалось компьютерных технологий. Для него это была полная абракадабра; он обладал разве что самыми зачаточными знаниями.

– Тогда действительно хорошо, что я здесь, – сказала она, выпустила его руки из своих и повернулась к кабинету. – Я могу показать тебе розетку в стене, куда нужно включить компьютер, и дырочку в компьютере, куда нужно всунуть проводок.

– Ха-ха-ха.

Том всмотрелся в лицо Эльзы. Все та же кипучая энергия и непосредственность, грация женщины, которая любит себя и которой, если можно так выразиться, комфортно находиться в своем собственном теле. Эта неожиданная встреча встряхнула его, вывела из состояния уныния, не отпускавшего уже много дней.

– Когда ты сюда приехала? – спросил он.

Она взглянула в окно. В правом ухе Эльзы было три сережки, а в левом – только одна.

– Вчера? – как будто сомневаясь, ответила она.

– Видимо, когда-то тебе придется заглянуть на станцию?

Она кивнула:

– Конечно. Завтра. У меня уже назначена встреча. Амелия хочет, чтобы я просмотрела имейлы мистера Уоллингера. – Она произносила «Уоллингер» как два отдельных слова: «Уолл» и какое-то скандинавское «Инга», и Том невольно улыбнулся. – Я что, перепутала фамилию, Том Келл? Уоллингер, ведь так?

– Все абсолютно верно. Дело в том, как ты ее произносишь.

До чего приятно было снова слушать музыку ее голоса – с легкой ноткой озорства.

– Ладно. Итак, я просматриваю компьютеры этого парня, а потом забираю телефоны и, возможно, хард-диски в Рим для изучения.

– Телефоны? – Вслед за Эльзой Том прошел в кабинет и теперь смотрел, как она включала компьютер Пола.

– Ну конечно. У него было два сотовых в Анкаре. Одна из сим-карт, из его личного телефона, была найдена в самолете.

Том не смог скрыть изумления.

– Что?

– Ты этого не знал? – Эльза прищурилась. Или не поняла выражения, или удивилась, что Том настолько не в теме.

– Я тут участвую в игре «Ты все узнаешь на месте». Амелия прислала меня сюда всего несколько дней назад.

Во время прошлой операции, когда они работали вместе, Том рассказал ей о том, какую роль он сыграл в деле Яссина Гарани. Она знала, что в МИ-6 его выставили как негодяя и злодея, но ясно дала понять, что не считает его виновным. С тех пор Том питал к Эльзе особую нежность, потому что даже Клэр тогда поверила ему не до конца.

– А ты едешь в Стамбул? – спросила Эльза.

– Как только разберусь с американцами. А ты?

– Думаю, что да. Наверное. У Пола Уоллингера ведь там дом? И конечно, там есть станция. – Том кивнул. – А там, где есть станция, есть и компьютеры для Эльзы Кассани.

Из колонок на письменном столе раздалась короткая цифровая мелодия. Эльза настучала что-то на клавиатуре, и только тут Том заметил, что на пальце у нее кольцо.

– Ты помолвлена? – спросил он и сам поразился своему смятению.

– Я замужем! – весело ответила она и подняла вверх руку с кольцом, чтобы ему было лучше видно. Как будто он мог порадоваться этому так же, как она. Но почему, в самом деле, он не рад? Неужели стал таким циничным и черствым? Закостенелым противником брака? Одна только мысль о том, что такая живая, очаровательная девушка, как Эльза Кассани, вышла замуж, наполняла его ужасом. Нет, это неверие и упадничество, укорил себя Том. Так нельзя. Вполне вероятно – да нет, непременно – Эльза будет счастлива со своим мужем. Как и многие, многие другие.

– И кто же счастливчик?

– Он немец. Музыкант.

– Играет в рок-группе?

– Нет, классическую музыку. – Она достала кошелек и хотела показать Тому фотографию, но вдруг зазвонил его телефон.

Это был Тамаш Метка.

– Ты можешь говорить?

Тамаш сказал, что звонит из телефонной будки на другой стороне улицы от его бара в Сольноке. Том продиктовал ему номер телефона Уоллингера и пошел вверх, в спальню. Через две минуты Метка перезвонил.

– Ну что ж, – с иронией произнес он. – Как выяснилось, ты вполне мог встречаться с нашей мисс Шандор.

– Что, правда?

– Раньше она была одной из нас.

«Почему я не удивляюсь? – подумал Том. – Вероятность того, что Уоллигер заведет очередную интригу именно с коллегой, была выше всего».

– Значит, шпионка?

– Шпионка, – подтвердил Метка. – Я просмотрел кое-какие документы. Несколько раз она работала с МИ-6 и МИ-5. И три года она провела у нас.

– У нас – ты имеешь в виду, она венгерка?

– Да.

– Сейчас, вероятно, в частном секторе?

– Нет. – В трубке раздался ужасающий грохот – видимо, мимо будки промчался грузовик или автобус. Метка помолчал, ожидая, когда стихнет шум. – Сейчас у нее свой ресторан на Лопуде.

– Лопуд?

– Хорватия. Это один из островов неподалеку от Дубровника.

Том сидел на кровати Пола. Машинально он взял в руки биографию Джонсона и так же машинально прочитал цитаты на обложке.

– Она замужем?

– В разводе.

– Дети?

– Нет. – Метка отрывисто рассмеялся. – Зачем тебе нужна вся эта информация? Ты влюбился в поэтичную красавицу-мадьярку, Том?

Значит, эта Сесилия к тому же еще и красавица. Ну разумеется.

– Не я. Кое-кто еще. – Том ответил так, словно Пол был все еще жив, все еще крутил роман с этой Шандор. – Почему она ушла из АНБ?[14 - АНБ – Агентство национальной безопасности США (англ. National Security Agency) – подразделение радиотехнической и электронной разведки министерства обороны США, входящее в состав Разведывательного сообщества.]

На первом этаже виллы зазвонил телефон. Том услышал, как Эльза ответила «Pronto!»[15 - Слушаю! (ит.)]. Возможно, это звонит ее муж, подумал он и положил книгу обратно на прикроватный столик. Она раскрылась приблизительно посередине, там, где была заложена белым листком. Вроде бы фотографией.

– Я не очень-то знаю подробности. – Том, уже наполовину не слушая Метку, взял фотографию, перевернул ее и изумился. Это был снимок Амелии. – Повтори, пожалуйста, – попросил он, пытаясь встроить увиденное в реальность.

– Я не знаю, почему она от нас ушла. У нее в деле написано только, что это было в 2009-м. По собственному желанию.

Фотография была сделана лет десять или пятнадцать тому назад, когда роман Амелии и Пола был в самом разгаре. Она сидела за столиком в переполненном ресторане, слева от ее стула виднелся официант в белом пиджаке – его изображение было смазано. Амелия была сильно загорелой; на ней было кремовое открытое платье без бретелек, на шее золотое ожерелье – то самое, которое она надевала на похороны Пола. Здесь ей было около сорока, и она была ослепительно, невероятно красива. Но самое главное – Амелия выглядела счастливой и умиротворенной, как будто внутри у нее царил такой покой и такое блаженство, о котором большинству людей остается только мечтать. Такой Том не видел ее никогда в жизни.

– На тот момент у нее был полный доступ, – продолжал Метка. – То есть ничего негативного за ней не числилось.

Том вернул фотографию в книгу и попытался сконцентрироваться.

– Ресторан? – спросил он.

– Что «ресторан»?

– У тебя есть его название? И адрес на Лопуде?

Он должен непременно найти Сесилию Шандор. Встретиться с ней, поговорить. Теперь Том был уверен, что эта женщина – ключ ко всему.

– Конечно, – ответил Метка. – Конечно, у меня есть адрес.

Глава 16

Посольство Соединенных Штатов представляло собой комплекс низких зданий в самом сердце города, такой же плоский, как и Пентагон. Его окружала черная металлическая изгородь в три метра высотой. Контраст этого сооружения с британским посольством, роскошным, в имперском стиле, в дорогом жилом районе, откуда открывался чудесный вид сверху на центр Анкары, был поразительным. Подъезжающие к посольству автомобили проверял один-

единственный турок в форме, в то время как у американцев к этому делу был привлечен небольшой взвод морских пехотинцев – мощные парни в бронежилетах, один к одному, остриженные под машинку. Большинство из них скрывалось за особо укрепленными воротами с вольфрамовым покрытием, способными выдержать взрыв мощностью в две тонны. Трудно было винить янки в том, что они слегка «перебарщивают» с обороной; любой потенциальный воин джихада, от Гросвенор-сквер до Манилы, не отказался бы устроить небольшой «бум» Дяде Сэму. Атмосфера вокруг посольства была настолько напряженной, что это буквально ощущалось физически. Подъехав к зданию в дребезжащем турецком такси, Том снова почувствовал себя в Зеленой зоне Багдада.

После пятнадцати минут проверок, вопросов и обысков Тома проводили в кабинет на втором этаже, откуда открывался вид на сад; в саду была установлена деревянная конструкция для лазанья. На стенах висели разные свидетельства и сертификаты, две акварели, фотография Барака Обамы и полка с книжками в мягких обложках. Здесь, сказали Тому, он встретится с Джимом Чейтером. Выбор помещения немедленно возбудил в нем самые нехорошие подозрения. Любые беседы между кадровым офицером ЦРУ и его коллегой из МИ-6 должны были, по умолчанию, происходить внутри станции ЦРУ. В чем же дело? Чейтер хочет таким образом выказать намеренное – и оскорбительное – пренебрежение, или для разговора они перейдут в особую комнату, где невозможна прослушка?

Встреча была назначена на 10:00. Прошло двенадцать минут, прежде чем в дверь легонько постучали и в кабинет вошла блондинка лет двадцати в брючном костюме. Улыбка была как будто бы намертво приклеена к ее лицу.

– Мистер Келл?

Том встал и пожал протянутую ему руку. Блондинка представилась как Кэтрин Мойзес, сотрудница Госдепартамента категории FP-04. Том смутно припомнил, что эта категория, кажется, являлась одной из низших. Скорее всего, девушка была из ЦРУ, выполняла мелкие поручения для Чейтера.

– Боюсь, что Джим немного опаздывает, – сообщила Кэтрин. – Он попросил меня вам передать. Может быть, налить вам кофе или чаю? Или хотите еще чего-нибудь?

Тому совершенно не хотелось тратить пять минут из всего лишь часовой встречи на приготовление напитков, поэтому он отказался.

– Все же когда приблизительно он будет здесь?

В этот момент Том понял, что мисс Мойзес послали к нему специально, чтобы она потянула время. Она уселась за письменный стол, окинула мистера Келла быстрым оценивающим взглядом, поправила рукава жакета и начала разговор, обращаясь к Тому, как будто он был министр из либерально-демократической партии, прибывший в Турцию с двухдневным ознакомительным визитом.

– Джим попросил меня вкратце обрисовать вам, как, на наш взгляд, развивается ситуация в Турции и в отношениях Сирии и Ирана, особенно в связи с режимом в Дамаске.

– О'кей, – сказал Том, и это оказалось большой ошибкой, потому что мисс Мойзес откашлялась и завела речь. Она не закрывала рта до тех пор, пока стрелки на часах не передвинулись за половину одиннадцатого. Она не сделала ни одной паузы, даже чтобы перевести дыхание. Как выяснилось, у Госдепартамента были веские основания переместить консульство из Стамбула и использовать военно-воздушную базу в Инджирлике совместно с турками. Мисс Мойзес имела свое мнение касательно «противоречивых» отношений США с премьер-министром Реджепом Тайипом Эрдоганом и была весьма рада, что «неустойчивый период», предшествовавший завоеванию Ирака, – завуалированный намек на то, что в свое время правительство Турции отказалось сотрудничать с администрацией Буша, – уже закончился. Однако за время правления Обамы лидеры Турции, летела вперед мисс Мойзес, осознали, что членство в Евросоюзе – цель не только практически неосуществимая, но и не очень важная для интересов страны. Получив от Евросоюза в качестве помощи в целом семь миллиардов долларов за примерно десять лет, мистер Эрдоган, однако, «пытается повернуть лицо Турции одновременно и на юг, и на восток» и провозглашает себя «добрым исламистским кальвинистом» (нет, эту фразу придумала не сама Кэтрин Мойзес), а Турцию объявляет «маяком для мусульманских стран Северной Африки и Ближнего Востока, активным и современным капиталистическим государством, своего рода мирным буфером между Востоком и Западом».

– Позвольте полюбопытствовать. Для чего, по-вашему, я должен все это знать?

Но к намекам Тома мисс Мойзес была совершенно глуха. Видимо, Чейтер строго приказал ей не выпускать Келла из когтей, и она не хотела навлечь на себя гнев начальства. Ей велели «занять» его, и именно это она и собиралась делать дальше.

– Секунду! – сказала она и даже подняла вверх руку, как будто Том грубо ее оборвал. – Джим очень хотел, чтобы вы представляли себе обстановку и были в курсе всего, что у нас происходит, прежде чем вы встретитесь. Как вам, вероятно, известно, премьер-министр резко раскритиковал политику, проводимую Соединенными Штатами на Ближнем Востоке, враждебную по отношению к Израилю, особенно в свете конфликта у берегов Газы в 2010 году, но не стал возражать против установки радаров НАТО на территории республики и определенно одобрил – разумеется, не вслух, вы понимаете – свержение Асада, как ставленника иранцев и русских. Одним словом, мистер Келл, ситуация с правительством Турции представляется нам спорной. Политика мистера Эрдогана укрепила оборону страны, способствовала стабилизации лиры; он держит под контролем резкое повышение экспорта и приток иностранного – особенно арабско-персидского – капитала, но в то же время он попытался переписать конституцию республики, чтобы получить большую власть. Простые люди – как бы мы сказали, люди с улицы – видят в нем великого султана и не усматривают ничего угрожающего в том, что интонации мистера Эрдогана становятся все более моралистическими и авторитарными. Те же, кто по-прежнему инстинктивно верен идеалам Ататюрка, конечно же считают его демагогом. – Том невольно восхитился напористости мисс Мойзес: скорее всего, Чейтер предупредил ее о визите Тома минут за десять, но она говорила бегло и уверенно, как университетский лектор. – Итак, что мы имеем в итоге? – Она взглянула на бумаги на столе. – Исламиста в овечьей шкуре, который хочет вернуть государству его светское прошлое и таким образом в перспективе причиняет своему народу вред, или человека из этой части света, с которым Запад действительно может иметь дело?

Том улыбнулся:

– Вы мне вот что скажите. Похоже, вы знаете ответы на все вопросы. Я думал, что я здесь для того, чтобы обсудить гибель Пола Уоллингера.

Однако ответить на свой же вопрос мисс Мойзес так и не успела. Именно в эту секунду, как актер, ожидавший за кулисами своего выхода на сцену, в кабинет вошел Джим Чейтер. Он протянул руки и заключил Тома в крепкие братские

объятия, со всей теплотой и искренностью Иуды, поцеловавшего Христа.

– Том! Как приятно снова увидеться. – Чейтер отпустил его и отступил на шаг, чтобы как следует рассмотреть. У него была неровная – один уголок рта выше, чем другой, – улыбка и чистые ярко-голубые глаза, так и сиявшие радушием. Выглядел Джим точно так же, как Том его и запомнил: невысокий, очень спортивный и подтянутый и невероятно, бессовестно довольный собой. Его подбородок украшала двухдневная щетина, и одет он был в вытертые голубые джинсы и кеды «Найк». – Прости, что заставил тебя ждать. Никак не мог вырваться раньше. Как с тобой обращалась Кэтрин – надеюсь, что хорошо? Она уже изложила тебе свою великую теорию о том, что мы сейчас находимся в центре вселенной и что Турция – это самое важное государство на всем пространстве к востоку от Нью-Йорка и к западу от Пекина?

– Нечто вроде того.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Долмуш – род маршрутного такси. (Здесь и далее примеч. пер.)

2

Лэнгли, штат Виргиния, США – место, где расположена штаб-квартира ЦРУ.

3

Эргенекон – ультранационалистическая организация в Турции, членами которой являются некоторые высокопоставленные руководители внутри вооруженных сил и органов безопасности Турции, обвиняемая в попытке госпереворота в Турции.

4

РПК – Рабочая партия Курдистана.

5

ПСР – Партия справедливости и развития; правящая политическая партия в Турции.

6

От англ. private memento, то есть в память об особом случае, касающемся только двоих.

7

Бешикташ – коммерческий и культурный район Стамбула.

8

Бизнес-джет (жарг.) – также административный самолет, бизнес-самолет – самолет, предназначенный для перевозки официальных лиц, государственных учреждений и коммерческих организаций.

9

ОНР (тур. Milli İstihbarat Teskilati) – Организация национальной разведки, государственная спецслужба Турции.

10

Темз-Хаус (англ. Thames House) – штаб-квартира британской спецслужбы МИ-5.

11

Станция – аналог российской резидентуры, заграничное учреждение органа внешней разведки. Подобные структуры, как правило, действуют под прикрытием официальных загранучреждений – посольств, консульств, торговых представительств и др.

12

УСО, Управление специальных операций (англ. Special Operations Executive) – британская разведывательно-диверсионная служба, действовавшая во время Второй мировой войны.

13

Твою мать! (ит.)

14

АНБ – Агентство национальной безопасности США (англ. National Security Agency) – подразделение радиотехнической и электронной разведки министерства обороны США, входящее в состав Разведывательного сообщества.

15

Слушаю! (ит.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/charlz-kamming/holodnee-voyny-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)